

1834

П. Е. Щеголевъ.

ор 1-62
4642

✕

С $\frac{38}{104}$ С

НИКОЛАЙ I и ДЕКАБРИСТЫ.

Очерки.

БЫЛОЕ — ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.
Издательство «БЫЛОЕ» Петроградъ 1919.

C 38
104

Императоръ Николай I — тюремщикъ декабристовъ.

Намъ приходилось не разъ отмѣчать ту выдающуюся роль, которую игралъ въ процессѣ декабристовъ самъ Николай первый ¹⁾. Предусматривая и вникая во всѣ подробности слѣдствія, царь являлся первымъ слѣдователемъ: въ кабинетѣ своего дворца онъ лично или черезъ своихъ генералъ-адъютантовъ допросилъ почти всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу. Но онъ былъ для декабристовъ не только слѣдователемъ, но и предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Снявъ допросъ, Николай первый отсылалъ арестованнаго въ крѣпость, въ распоряженіе тогдашняго ея коменданта генералъ-адъютанта Сукина, съ собственноручной запиской на почтовой бумагѣ или даже просто на клочкѣ. Генералъ Сукинъ благоговѣнно хранилъ эти автографы императора до конца дней своихъ, а послѣ его смерти, эти документы, какъ имѣющіе государственное значеніе, были отобраны правительствомъ и поступили на храненіе въ Государственный Архивъ. Этимъ запискамъ или «Высочайшимъ собственноручнымъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, поступившимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина» самимъ же генераломъ былъ составленъ «реестръ». Въ реестрѣ выписанъ точный текстъ каждой записки, указанъ день, часъ и порядокъ полученія. Этотъ реестръ, съ сохраненіемъ графъ мы и предлагаемъ вниманію читателей.

«Реестръ» свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ Николай обладалъ недюжинными способностями тюремщика. Каждая его записка не ограничивается только указаніемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; она опредѣляетъ и характеръ содержанія. Пять формъ крѣпостного заключенія можно намѣтить по этимъ запискамъ. Весьма

¹⁾ См. въ моей монографіи «П. Г. Каховскій» (Былое, 1906, кн. 1 и 2 и отд. М. 1918), въ работахъ о Пушкинѣ (Пушкинъ. Очерки Спб. 1911) и въ статьяхъ, вошедшихъ въ настоящую книгу.

42665-39

2011121913

немногіе присылались съ лаконичнымъ указаніемъ «содержать въ крѣпости». Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай первый «содержать хорошо». Степень выше— «содержать строго, но хорошо»; еще выше— «содержать подѣ строгимъ арестомъ»; дальше— «строжайше наблюдать», и, наконецъ, высшая степень— «содержать наистрожайше». Вѣрный Сукинъ понималъ, конечно, оттѣнки этихъ выраженій и дѣйствовалъ сообразно съ высочайшими приказаніями. Мы не можемъ судить, каковы были въ дѣствительности формы содержанія въ крѣпости, но одна записка можетъ донѣкоторой степени дать о нихъ представленіе. «Свистунова содержать строго, но *снабжа вѣсмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ*».

Нечего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержаніе «строгое, строжайшее или наистрожайшее», руководясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденіемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображеніемъ, какая форма заключенія заставитъ заключеннаго скорѣе дать признанія. Такимъ образомъ заключеніе вовсе не носило характера «предварительнаго» до приговора, а являлось или уже наказаніемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающія наше заключеніе. Первая— «присылаемаго Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиновать». Вторая— «присылаемаго Якушкина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя».

Но всѣ, тѣ или инныя, формы заключенія казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденія показаній или для вящаго устрашенія и наказанія. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы могли извлечь слѣдующія данныя о закованіи. Закованія совершались исключительно по высочайшему повелѣнію. 18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ деньщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣть соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. финляндскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признаніи и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножныя, и 18 апрѣля— ручныя кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-й. Затѣмъ, Пушкинъ 1-й, закованный за упорное заперательство въ

ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля. 1 февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разжалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генералъ Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титularный совѣтникъ Семеновъ, за упорное заперательство при допросахъ, въ то время какъ многіе его уличали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣетъ быть содержимъ на хлѣбѣ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, кн. Щепинъ-Ростовскій, Бестужевъ Михайлъ и крѣпостной челоѣкъ Кюхельбекера Семенъ Балашовъ.

Мы не упомянули еще о подпоручикѣ Андреевичѣ 2-омъ, закованномъ въ ручныя желѣза 18 февраля. На него кандалы произвели угнетающее впечатлѣніе, и 25 апрѣля онъ написалъ слѣдующее безсвязное письмо въ Комитетъ. Это письмо не требуетъ никакихъ разъясненій и ярко свидѣтельствуетъ о вліяніи кандаловъ на психику заключенныхъ. Письмо воспроизводимъ буквально.

Въ Высочайше учрежденный комитетъ!

Движимый горестію и удрученіемъ связывающихъ меня желѣзъ! Кои заслужилъ я чрезъ мои преступныя дѣянія, осмѣливаюсь просить вторично, правосудныхъ членовъ Высочайше учрежденнаго комитета; видя мое печальное страданіе, уважьте сію униженную просьбу; и если есть возможность облегчить участь мою; хотя снятіемъ желѣзъ, съ коими я почти три мѣсяца, каждую минуту не разлученъ, кои днемъ и ночью мнѣ не даютъ покою.— Кажется я довольно уже наказанъ за мою легкомысленность. Милосердый Богъ принялъ мое раскаяніе, Онъ разрѣшилъ меня отъ моихъ согрѣшеній; послѣдуйте Его Святой стяжею, окажите снисхожденіе къ сей моей просьбѣ. Ахъ! я почту тотъ день и тотъ часъ, въ который свершится сіе благо.

Отдѣленъ будучи отъ родныхъ и ближнихъ; въ странѣ столь отъ нихъ далекой, въ печали, въ горести, въ желѣзахъ, какую я могу питать въ душѣ моей отраду? Въ семь убѣжищъ печальномъ, мрачномъ; въ бездѣйствіи безъ всякой пользы проходятъ дни мои унылы; умаляется жизнь моя; юность моя протекаетъ безуцѣльно и постепенно истребляютъ дарованія мои, коими природа меня одарила.

Что будетъ со мною, когда всего сего лишусь; какая кому въ то время будетъ отъ меня польза; бѣдность! она одна со мною неразлучна; но кому я оною сдѣлать могу какую услугу. Ахъ! умоляю Васъ именемъ Всевышняго разрѣшите мои столь тягостные узы, узы, кои хъ я во всю жизнь мою имѣть не полагалъ. Онѣ разлучаютъ меня съ матерью, коей положеніе и при мнѣ было горестное, но теперь увеличилось; дряхлость лѣтъ ея, а мое несчастіе, могутъ ли ей дать какую отраду? Онѣ разлучаютъ меня съ семьей братьями, кои нѣжно меня любили.—Ахъ! могутъ ли они быть спокойны? и такъ сіи плачевныя желѣзы не меня одного печалятъ и тяготятъ; но разлучая меня съ родными лишаютъ и ихъ спокойствія долгимъ моимъ отсутствіемъ и въ совершенной неизвѣстности.

Я повторяю предъ вами правосудніи члены мою просьбу и готовъ повергнуться къ стопамъ великодушнаго Монарха, чтобы умолить Его о состраданіи къ моему бѣдственному положенію.—Въ доказательство истиннаго моего раскаянія въ моихъ заблужденіяхъ я бы весь листъ свой, на коемъ пишу, оросилъ бы слезами, но горестъ изсушила ихъ.—Наконецъ если я уже не заслуживаю отъ васъ никакого призрѣнія, то троньтесь печалію моихъ родныхъ, которые вѣроятно льютъ слезы о моемъ несчастномъ положеніи! — Они и я будемъ вѣчно возсылать молитвы свои къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ. ■■■

Подпоручикъ Андреевичъ 2-ой.

28 25 апрѣля это письмо было прочитано въ Комитетѣ, а 27 апрѣля, «въ уваженіе замѣченнаго въ немъ Комитетомъ раскаянія и откровенности въ показаніяхъ» Андреевичъ былъ раскованъ.

РЕЕСТРЪ

Высочайшимъ собственноручнымъ Е. И. В. повелѣніямъ послѣдовавшимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина.

№	Когда получены.		Мѣсяць декабрь 1825 года.
	Число	Ч а с ѣ.	
1	14	въ 11 час. пополуночи.	Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю васъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Измайловскаго полка и б. Семеновскій который въ конвое у арестантовъ но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости Л.-Гренадерскому караулу не оказывать. Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14 декабря 1825 въ 3/4 10 часа.
2	—	въ 12 час. по полудни.	Присылаемаго Рылѣва посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно мнѣ приносить ежедневно.
3	15	въ 3 ч. по полуночи.	Присылаемаго Горскаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, безъ всякаго сообщенія, дать ему бумагу если попроситъ мнѣ писать.
4	—	въ 4 ч. по полуночи.	Присылаемаго Кожевникова посадить на гауптвахту не связывая рукъ подъ строгимъ арестомъ и безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ ни было.
5	—	въ 7 ч. по полуночи.	Присылаемаго Ш. К. Карниловича посадить на гауптвахту отдѣльно отъ другихъ безъ всякихъ сообщеній съ кѣмъ бы ни было. 15 декабря 1825.
6	—	въ 8 ч. по полуночи.	Присланнаго Вишневаго содержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ, не давая сообщаться съ другими. (на пакетѣ написано: „нужное“).
7	—	въ исходѣ 8-го часа по полуночи.	Въ отиѣну прежняго приказанія Вишневаго, Бодиско и Арбузова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ порознь. (На пакетѣ собственною Его Величества рукою написано: „нужное“).
8	—	въ 9 ч. по полуночи.	Присылаемаго присемъ Кюхельбеккера посадить въ Алексѣевскій рavelинъ и строжайше за нимъ наблюдать.
9	—	въ 9 ч. по полуночи.	Присылаемаго Бестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подъ строжайшій арестъ.
10	—	въ 3/4 10 час. по полуночи.	Трубецкого присемъ присылаемаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ. За нимъ всѣхъ строже смотрѣть особенно не позволять никуда не выходить и ни съ кѣмъ не видѣться.

11	15	въ 10 ч. по полуночи.	Присылаемого Сомова посадить въ Алексѣев- скій рavelинъ.
12	—	во 2-й четв. 11 час. по полуночи.	Якубовича посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
13	—	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемого Пушина отправить на гаупт- вахту въ крѣпость.
14	—	въ 8 ч. по полудни.	Оболенскаго посадить въ Алексѣевскій ра- велинъ подѣ строжайшей арестъ, безъ всякаго сооб- щенія—не мѣшаетъ усилить наблюдение, чтобы громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сіе возможно.
15	—	въ 10 час. вечера.	Присылаемого при семъ Бестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
16	—	въ полови- нѣ 12 ч. по полудни.	Присланнаго Панова какъ самаго упрямаго по- садить тоже въ Алексѣевскій рavelинъ и содер- жать настрожайше.
17	16	въ 11 час.	Александра Яковлевича прошу опросить лейте- нанта Арбузова, кто былъ съ нимъ во фракѣ въ казармахъ гвардейскаго экипажа утромъ 14 числа.
18	—	въ полови- нѣ 3 ч. по полудни.	Присылаемого Каховскаго посадить въ Алексѣ- евскій рavelинъ, давъ бумагу пусть пишетъ, что хочетъ, не давая сообщаться.
19	—	въ полови- нѣ 9-го ч.	Присылаемого при семъ сего Николая Бесту- жева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подѣ строгий арестъ, давъ писать, что хочетъ.
20	—	—	Письмо отъ Пушина къ поручику л.-гв. коннопо- нернаго эскадрона Петру Михайловичу Дарогану. Любезный Дароганъ, пожалуйста облегчи участь несчастнаго, пришли мнѣ все то, о чемъ я вчера тебя просилъ, т. е. сертукъ, рейтузы, фуражку, халатъ, туфли, кровать и постель, трубку, табакъ и нѣкоторыхъ книгъ, ко мнѣ безопасно можешь прѣбхать, я почти оправданъ, доносъ какихъ-то подлецовъ уничтожится, пожалуйста навѣсти меня въ несчастьи, на гауптвахтѣ Петропавловской площади, весь твой Пушинъ. 16 декабря 1825.
21	17	въ полови- нѣ 3 ч. по полуночи.	На ономъ письмѣ собственною Его Император- скаго Величества рукою написано: Узнать непременно чрезъ кого Пушинъ писалъ и запретить впередъ смѣть то дѣлать, взявъ мѣры противъ того.
22	—	въ полови- нѣ 3 ч. по полудни.	Чиновника Глѣбова посадить подѣ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строгаго.
23	—	въ полови- нѣ 7 ч. по полудни.	Присылаемыхъ при семъ Пушина и Одуевского посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
24	—	въ 11 ч. по полудни.	Присланныхъ при семъ подпоручиковъ к. Ед- больскаго, Кожевникова и Фока посадить на гауптвахтѣ въ крѣпость.
25	—	въ началѣ 12-го ч. по полудни.	Присылаемого при семъ Чицова посадить особо на гауптвахту. Бестужева по присылкѣ, равно и Оболенскаго и Щепина велѣтъ заковать въ ручныя желѣза. Бесту- жева посадить такъ же въ Алексѣевскій рavelинъ.

26	18	въ полови- нѣ 10 час. вечера.	Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что по- желаетъ, но съ должною осторожностью. Адъю- танта герцога, Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя.
27	21	въ полови- нѣ 12 ч. по полудни.	Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочетъ на мое лицо или кому хочетъ.
28	22	въ 2 час. по полудни.	Записка отъ генераль-адъютанта Левашова, на коей Его Императорское Величество подписать изволилъ: По Высочайшему повелѣнію, при семъ посы- лаются письмо г-ну Каховскому и человѣкъ г-на Рылѣева. Г-ну Каховскому дать съ нимъ свиданіе въ присутствіи Вашего высокопревосходитель- ства, послѣ чего, истребовавъ отвѣтъ онаго доста- вить сюда; такъ-же и человѣка <i>возвратить обратно.</i>
29	22	во 2 четвер- ти 5 час. по полудни.	Присылаемого при семъ ш. к. Репина содержать подѣ строгимъ арестомъ. 22 декабря 1825.
30	23	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ Свистунова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, давъ бумагу и содержа строгаго, но снабжа всѣмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ.
31	23	въ 8 ч. по полудни.	Присылаемого Оржитскаго содержать подѣ строгимъ арестомъ, гдѣ удобно. С.-Петербургъ 23 декабря 1825.
32	24	въ полови- ны 12 час. утра.	Присылаемого к. Голицына посадить на гаупт- вахту, содержа строгаго, но хорошо. С.-Петербургъ 24 декабря 1825.
33	26	въ 1 четвер- ти 5 час. по полудни.	Присылаемого Муравьева посадить по удобно- сти подѣ строжайшей арестъ; дать однако бумагу.
34	—	въ послѣд- ней четвер- ти 5 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ Свинына посадить подѣ арестъ, по усмотрѣнію; давъ писать, что хочетъ.
35	—	въ 1 чет- верти 6 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ П. Кологривова поса- дить на гауптвахту подѣ строгій арестъ. С.-Петер- бургъ 26 декабря 1825.
36	27	въ полови- нѣ 2 ч. по полудни.	Присылаемого Ринкевича посадить подѣ стро- гий арестъ, по усмотрѣнію, давъ и бумагу. Въ Петербургѣ 27 декабря 1825.
37	27	въ 3 чет- верти 8 ч. по полудни.	Присылаемого графа Чернышева посадить на гауптвахту содержа хорошо. С.-Петербургъ 27 декабря 1825.
38	—	въ полови- нѣ 10 ч. по полудни.	Александръ Яковлевичъ, прошу господина Кра- снокутскаго помѣстить у себя на квартирѣ офи- церской, не арестовывая и позволить ходить по крѣпости, но не отлучаться, а за нимъ имѣть присмотръ. С.-Петербургъ 27 декабря 1825.
39	28	по полудни въ 1 чет- верти 9 ч.	Присылаемого при семъ генераль-маіора Орлова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, выведя Гор- скаго или кого другого и содержа хорошо. С.-Пе- тербургъ 29 декабря 1825.

11	15	въ 10 ч. по полуночи.	Присылаемого Сомова посадить въ Алексѣев- скій рavelинъ.
12	—	во 2-й четв. 11 час. по полуночи.	Якубовича посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
13	—	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемого Пущина отправить на гаупт- вахту въ крѣпость.
14	—	въ 8 ч. по полудни.	Оболенскаго посадить въ Алексѣевскій ра- велинъ подъ строжайшій арестъ, безъ всякаго сооб- щенія—не мѣшаетъ усилить наблюденіе, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сіе возможно.
15	—	въ 10 час. вечера.	Присылаемого при семъ Бестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
16	—	въ полови- нѣ 12 ч. по полудни.	Присланнаго Панова какъ самаго упрямаго по- садить тоже въ Алексѣевскій рavelинъ и содер- жать наистрожайше.
17	16	въ 11 час.	Александра Яковлевича прошу опросить лейте- нанта Арбузова, ктѣ былъ съ нимъ во фракъ въ казармахъ гвардейскаго экипажа утромъ 14 числа.
18	—	въ полови- нѣ 3 ч. по полудни.	Присылаемого Каховскаго посадить въ Алексѣ- евскій рavelинъ, давъ бумагу пусть пишетъ, что хочетъ, не давая сообщаться.
19	—	въ полови- нѣ 9-го ч.	Присылаемого при семъ сего Николая Бесту- жева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подъ строгий арестъ, давъ писать, что хочетъ.
20	—	—	Письмо отъ Пущина къ поручику л.-гв. коннопо- нернаго эскадрона Петру Михайловичу Дарогану. Любезный Дароганъ, пожалуйста облегчи участь несчастнаго, пришли мнѣ все то, о чемъ я вчера тебя просилъ, т. е. сертукъ, рейтузы, фуражку, халатъ, туфли, кровать и постель, трубку, табакъ и нѣкоторыхъ книгъ, ко мнѣ безопасно можешь прѣхать, я почти оправданъ, доносъ какихъ-то подлецовъ уничтожится, пожалуйста навѣсти меня въ несчастьи, на гауптвахтѣ Петропавловской площади, весь твой Пущинъ. 16 декабря 1825. На ономъ письмѣ собственною Его Император- скаго Величества рукою написано: Узнать непременно чрезъ кого Пущинъ писалъ и запретить впередъ смѣть то дѣлать, взявъ мѣры противъ того.
21	17	въ полови- нѣ 3 ч. по полуночи.	Чиновника Глѣбова посадить подъ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строго.
22	—	въ полови- нѣ 3 ч. по полудни.	Присылаемыхъ при семъ Пущина и Одуевского посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
23	—	въ полови- нѣ 7 ч. по полудни.	Присланныхъ при семъ подпоручиковъ к. Ед- больскаго, Кожевникова и Фока посадить на гауптвахтѣ въ крѣпость.
24	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ Чижова посадить особо на гауптвахту.
25	—	въ началѣ 12-го ч. по полудни.	Бестужева по присылкѣ, равно и Оболенскаго и Щепина велѣтъ заковать въ ручныя желѣза. Бесту- жева посадить такъ же въ Алексѣевскій рavelинъ.

26	18	въ полови- нѣ 10 час. вечера.	Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что по- желаетъ, но съ должною осторожностью. Адъю- танта герцога, Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя.
27	21	въ полови- нѣ 12 ч. по полудни.	Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочетъ на мое лицо или кому хочетъ.
28	22	въ 2 час. по полудни.	Записка отъ генераль-адъютанта Левашова, на коей Его Императорское Величество подписать изволилъ: По Высочайшему повелѣнію, при семъ посы- лаются письмо г-ну Каховскому и человѣкъ г-на Рылѣева. Г-ну Каховскому дать съ нимъ свиданіе въ присутствіи Вашего высокопревосходитель- ства, послѣ чего, истребовавъ отвѣтъ онаго доста- вить сюда; такъ же и человѣка <i>возвратить обратно.</i>
29	22	во 2 четвер- ти 5 час. по полудни.	Присылаемого при семъ ш. к. Репина содержать подъ строгимъ арестомъ. 22 декабря 1825.
30	23	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ Свистунова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, давъ бумагу и содер- жа строго, но снабжа всѣмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ.
31	23	въ 8 ч. по полудни.	Присылаемого Оржитскаго содержать подъ строгимъ арестомъ, гдѣ удобно. С.-Петербургъ 23 декабря 1825.
32	24	въ полови- нѣ 12 час. утра.	Присылаемого к. Голицына посадить на гаупт- вахту, содержа строго, но хорошо. С.-Петербургъ 24 декабря 1825.
33	26	въ 1 четвер- ти 5 час. по полудни.	Присылаемого Муравьева посадить по удобо- сти подъ строжайшій арестъ; дать однако бумагу.
34	—	въ послѣд- ней четвер- ти 5 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ Свинына посадить подъ арестъ, по усмотрѣнію; давъ писать, что хочетъ.
35	—	въ 1 чет- верти 6 ч. по полудни.	Присылаемого при семъ П. Кологривова поса- дить на гауптвахту подъ строгій арестъ. С.-Петер- бургъ 26 декабря 1825.
36	27	въ полови- нѣ 2 ч. по полудни.	Присылаемого Ринкевича посадить подъ строгій арестъ, по усмотрѣнію, давъ и бумагу. Въ Петербургѣ 27 декабря 1825.
37	27	въ 3 чет- верти 8 ч. по полудни.	Присылаемого графа Чернышева посадить на гауптвахту содержа хорошо. С.-Петербургъ 27 декабря 1825.
38	—	въ полови- нѣ 10 ч. по полудни.	Александръ Яковлевичъ, прошу господина Кра- снокутскаго помѣстить у себя на квартирѣ офи- церской, не арестовывая и позволить ходить по крѣпости, но не отлучаться, а за нимъ имѣтъ присмотръ. С.-Петербургъ 27 декабря 1825.
39	28	по полудни въ 1 чет- верти 9 ч.	Присылаемого при семъ генераль-маіора Орлова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, вывести Гор- скаго или кого другого и содержа хорошо. С.-Пе- тербургъ 29 декабря 1825.

40	29	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемого Васильчикова посадить по удобности, давъ писать, что хочетъ и содержа хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
41	30	во 2 ч. по полудни.	Прошу, Александръ Яковлевичъ, позволить Орлову Михайлѣ видѣться у васъ съ Алексѣемъ Орловымъ. 29 декабря 1825.
42	—	въ полови- нѣ 4 ч. по полудни.	Горожанскаго посадить, куда удобно подѣ строгій арестъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
43	—	въ исходѣ 4 ч. по полуд.	Присылаемого при семъ Батенкова содержать строжайше, давъ писать, что хочетъ; такъ какъ онъ больной и раненый, то облегчить его положеніе по возможности. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
44	—	по полудни въ исходѣ 2 час.	Присылаемого л.-гв. Егерскаго полка у.-о. Ильина, заковавъ, содержать строго подѣ арестомъ отдѣльно отъ другихъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
45	30	въ 4 ч. по полудни.	Генераль-маіору Орлову дать видѣться съ братомъ Алексѣемъ и перевести на офицерскую квартиру, давъ свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости. Письмо доставить Муравьеву. 30 декабря 1825.
46	31	во 2 ч. по полудни.	Генераль-адъютанту Бенкендорфу поручено мной снять допросъ съ г. Орлова, допустить сдѣ- лать наединѣ. С. Петербургъ 31 декабря 1825.

Копія съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣній въ на имя мое послѣдовавшихъ съ 14-го по 31-е декабря 1825-го года всего сорокъ шесть, отмѣченные противъ каждого мною „върно“.

Генераль-адъютантъ Сукинъ.

1-го января 1826 года.

№	Когда получены.		Мѣсяцъ январь 1826 года.
	Число	Ч а с ѣ.	
47	1	въ 8 ч. по полудни.	Графа Якова Булгари посадить подѣ строжай- шій арестъ по усмотрѣнію вашему. С.-Петербургъ 1 января 1826.
48	2	во 2 ч. по полудни.	Присылаемого полковника Митькова посадить по усмотрѣнію подѣ строгій арестъ. С.-Петербургъ 2 января 1826.
49	—	по полуд. въ 5 ч. въ ис- ходѣ.	Присылаемого Поливанова содержать подѣ арестомъ. С.-П. 2 янв. 1826.
50	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемого Калошина посадить подѣ строгій арестъ, гдѣ удобно. Равно и присылаемого Семенова содержать на гауптвахтѣ, гдѣ удобно, но строго содержа. С.-П. 2 января 1826.

51	—	по полудни въ 12 ч.	Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: „отдать можно Муравьеву“.
52	3	по полудни въ 3 ч.	При семъ вложенное письмо въ тотъ же часъ отдано Муравьеву мною ген.-ал. Сукинымъ.
53	—	въ 4 ч. по полудни.	Присылаемого Палицына содержать подѣ стро- гимъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-Петер. 3 ян- варя 1826.
54	—	по полудни въ 12 ч.	Присылаемого при семъ Лорера содержать подѣ строжайшимъ арестомъ. С.-П. 3 января 1826.
55	4	по полун. въ 12 ч.	Пестеля помѣстить въ Алексѣевскій равелинъ, выведя для того Каховскаго или другого изъ менѣ важныхъ. С.-П. 3 янв. 1826.
56	6	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемого Толстого содержать подѣ стро- гимъ арестомъ. С.-П. 4 января 1826.
57	—	по полудни въ 10 ч.	Присылаемого Штейнгеля посадить по усмо- трѣнію подѣ строгій арестъ. С.-П. 6 января 1826.
58	6	по полудни въ 11 ч. въ исходѣ.	Присылаемого Крюкова держать подѣ строгимъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-П. 1826 6 января.
59	—	по полудни въ 12 ч.	Присылаемого Титова посадить подѣ арестъ по усмотрѣнію. С.-П. 6 января 1826.
60	7	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемого Г. Пушкина содержать подѣ арестомъ по усмотрѣнію. С.-П. 6 января 1826.
61	—	по полудни въ исходѣ 11-го ч.	Присылаемого Швейковскаго посадить и содер- жать строго. С.-П. 1826 года 7 января.
62	8	въ полови- нѣ 8 ч. по полудни.	Присылаемого Юшневскаго содержать подѣ строжайшимъ арестомъ, давъ писать, что хочетъ С.-П. 7 января 1826.
63	—	по полудни въ 9 час.	Присылаемыхъ Муравьева и фонъ-Вольскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго, давъ писать, что хотятъ. С.-П. 8 января 1826.
64	8	въ началѣ 11-го час. вечера.	Присылаемого П. Нарышкина посадить по усмо- трѣнію гдѣ удобнѣе. С.-П. 8 января 1826.
65	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемого Лихарева посадить по усмотрѣ- нію, давъ писать, что хочетъ. С.-П. 8 января 1826.
66	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемого Спир. Булгари посадить, гдѣ лучше; ибо по всему кажется невиновать, но смотрѣть строго. С.-П. 9 января 1826.
67	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемого поручика Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо пола- гать должно невиновать. С.-П. 9 января 1826.
68	10	во 2 ч. по полудни.	Присылаемого ш.-капитана Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго и хорошо. С.-П. 9 января 1826.
69	—	по полудни въ 10 час.	Возвращаемаго Спиридона Булгаги, принявъ, заковать и содержать строго.
70	11	по полудни во 2 час.	Присылаемого Николая Булгари посадить по усмотрѣнію; содержа хорошо. С.-П. 10 января 1826.
71	—	въ 4 ч. по полудни.	Присылаемого Хотяинцева посадить по усмо- трѣнію и содержать строго. С.-П. 10 января 1826.
			Полковника Тизенгаузена посадить подѣ стро- гій арестъ по усмотрѣнію. С.-П. 11 января 1826.
			Присылаемого Кашкина содержать строго по усмотрѣнію. С.-П. 11 января 1826.

72	—	по полудни въ полови- нѣ 9 час.	Присылаемаго ш.-к. Муханова содержать подъ строжайшимъ арестомъ и помѣстить по усмотрѣ- нію. С.-П. 11 января 1826.
73	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемыхъ Аврамова и Бурцова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 11 ян- варя 1826.
74	12	во 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Поджіо содержать подъ строжай- шимъ арестомъ, гдѣ удобнѣе. С.-П. 12 января 1826.
75	—	въ 5 ч. по полудни.	Присылаемаго г.-маіора фонъ-Визина посадить, гдѣ лучше, но строго и не давать видѣться ни съ къмъ. С.-П. 12 января 1826.
76	—	въ 9 ч. ве- чера.	Присылаемыхъ к. Шишкова и Г. Данзаса и Зуб- кова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содер- жится Орловъ, но чтобъ отнюдь они другъ друга не видѣли. С.-П. 12 января 1826.
77	13	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго Фохта посадить, гдѣ получше; и такъ какъ онъ боленъ, послать ему лѣкаря и буде точно боленъ отправить в госпиталь. С.-П. 13 января 1826.
78	—	по полудни въ 3/4 10 ч.	Присылаемаго Сабурова посадить по усмотрѣ- нію и содержать хорошо. С.-П. 13 января 1826.
79	14	по полудни въ 5 час.	Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя. С.-П. 14 января 1826.
80	—	по полудни въ исходѣ 8-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного полк. по- садить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 14 января 1826.
81	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Леспона посадить по усмотрѣ- нію и содержать хорошо. С.-П. 14 января 1826.
82	15	въ 1 ч. по полуночи.	Присылаемаго к. Сергѣя Волконскаго посадить или въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, или гдѣ удобно; но такъ, чтобы и о приводѣ его было неизвѣстно. С.-П. 14 января 1826.
83	—	по полудни въ 3/4 3 ч.	Присылаемаго Басаргина и Вольфа посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15 января 1826.
84	15	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго к. Барятинскаго посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15 января 1826.
85	16	по полудни въ началѣ 8-го час.	Присылаемаго Пушкина 1 заковать въ ручныя желѣза и посадить и содержать строго. С.-П. 16 января 1826.
86	—	въ нач. 9 ч. по полудни.	Присылаемаго Пушкина 2 посадить по усмо- трѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16 января 1826.
87	17	по полудни въ полови- нѣ 4-го ч.	Присылаемаго Фролова посадить по усмотрѣ- нію. С.-П. 17 января 1826.
88	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного п. пол- ковника посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 17 января 1826.
89	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Содержащагося Артамона Муравьева прислать съ г.-а. Левашовымъ ко мнѣ. С.-П. 17 января 1826.
90	18	въ полови- нѣ 1 ч. по полуночи.	Присылаемаго злодѣя Муравьева Артамона за- ковать и содержать какъ наистроже. С.-П. 17 ян- варя 1826.

91	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ п. полков. Миклашевскаго, полк фонъ-дербъ-Бригена, порут. б. Черкасова, капит Пыхачева и капит. Исленьева посадить по усмо- трѣнію, содержа хорошо. С.-П. 18 января 1826.
92	19	во 2 ч. по полудни.	Присылаемаго Исленьева держать на гаупт- вахтѣ впредь до приказанія. С.-П. 19 января 1826.
93	—	по полуд. въ 4 ч. въ начал.	Присылаемаго Загорѣцкаго посадить и содер- жать строго. С.-П. 19 января 1826.
94	—	въ 12 ч. по полудни.	Присылаемаго Рюмина посадить по усмотрѣ- нію и содержать, какъ наистроже.
95	19	въ 3 ч. по полудни.	Дать писать, что хочетъ. С.-П. 19 января 1826.
96	20	во 2 ч. по полудни.	Собственною его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «Письмо отдалъ отставному подполковнику Муравьеву-Апостолу».
97	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго фонъ-Визина отставного п. пол- ковника посадить и содержать строго по усмо- трѣнію. С.-П. 20 января 1826.
98	21	во 2 ч. по полуночи.	Присылаемыхъ Непенина и Капниста содержать хорошо, помѣстия по усмотрѣнію. С.-П. 20 января.
99	21	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Сергѣя Муравьева посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію; онъ раненъ и слабъ, лучше будетъ его посадить въ Алек- сѣевскій рavelинъ и снабдить всѣмъ нужнымъ; лѣкарю велѣтъ его сейчасъ осмотрѣть и еже- дневно дѣлать должный осмотръ и перевязку. С.-П. 20 января 1826.
100	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемыхъ Кривцова, Поджіо 2, Раевского, Янтальцова и Плещеева посадить и содержать строго, но хорошо. С.-П. 21 января 1826.
101	—	въ 10 ч. по полудни.	Присылаемаго Давыдова посадить по усмотрѣ- нію и содержать хорошо. С.-П. 21 января 1826.
102	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемаго г. Олизара содержать строго, но хорошо. С.-П. 21 января 1826.
103	22	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемаго Борисова 2 содержать строго и хорошо. С.-П. 21 января 1826.
104	24	въ 1 ч. по полудни.	Присылаемыхъ Заикина и Аврамова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22 ян- варя 1826.
105	—	по полудни во 2 час.	Присылаемаго Горскина содержать по усмо- трѣнію хорошо. С.-П. 24 января 1826.
106	25	въ 1 ч. по полуночи.	Присылаемаго жиды Давыдку содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24 января 1826.
107	—	въ 3 ч. по полудни.	Присылаемаго к. Оболенскаго 2 посадить по ус- мотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
108	—	въ 3 чет- верти 4 ч. по полудни.	Присылаемаго Лядуховскаго посадить по усмо- трѣнію и держать строго. Полков. Ругга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 ян- варя 1826.
109	26	по полуно- чи во 2 ч.	Присылаемаго Плещеева 2 посадить по усмо- трѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
110	26	—	Можно Кюхельбекера расковать. С.-П. 26 ян- варя 1826.
			Генералу Раевскому позволяю видѣться въ ва- шемъ присутствіи съ г. Орловымъ и съ Лихаре- вымъ и Поджіо 2, но врозь и съ обыкновенною осторожносью. С.-П. 26 января 1826.

111	—	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемыхъ Ивашева и Жидкова содержать хорошо и посадить по усмотрѣнію. С.-П. 26 января 1826.
112	—	въ половинѣ 11 ч. по полудни.	Присылаемого Кюхельбекера посадить и содержать по прежнему. С.-П. 26 января 1826.
113	27	по полудни во 2 час.	Присылаемого Зыкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 27 января 1826.
114	—	въ перв. четверти 12 ч. по полудни.	Присылаемого <i>графа Яблоновскаго</i> посадить, буде возможно въ Алексѣвскій равелинъ или гдѣ лучше и содержать хорошо. С.-П. 27 января 1826.
115	28	по полудни въ 1 час.	Присылаемого Романова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 28 января 1826.
116	29	по полудни въ 8 час.	Присылаемого Мошинскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29 января 1826.
117	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемого <i>Ватковскаго</i> 2 посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29 января 1826.
118	—	въ 10 ч. по полудни.	Присылаемого Искритскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29 января 1826.
119	30 январ.	—	При возвращенномъ письмѣ Одоевскаго на особой бумагѣ карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Изъ письма Одоевскаго увидите, что онъ что то хочетъ объявить. Пусть напишетъ, а видѣть его мнѣ некогда“.
120	31	въ 1 ч. по полудни.	Объявлено генераль-адъютантомъ Сукинымъ тогда-же 30 января по полудни въ 1-мъ часу.
121	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемого П. Фаленберга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 31 января 1826.
122	—	въ половинѣ 10 ч. по полудни.	Присылаемого п. п. Норова посадить по усмотрѣнію и заковать, содержать наистрожайше. С.-П. 31 января 1826.
123	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемого Врангеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31 января 1826.
			Присылаемого Тютчева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31 января 1826.

№	Когда получены.		Мѣсяць февраль 1826 года.
	Число	Ч а с ъ.	
124	1	въ 7 ч. по полудни.	Присылаемого Анненкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
125	—	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемого Берстеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 1 февраля 1826.
126	—	по полудни въ 10 ч.	Присылаемого Нащокина посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
127	2	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемого Спиридова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 2 февраля 1826.
128	—	по полуд. въ исходѣ 9 ч.	Присылаемого Паскевича посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 2 февраля 1826.

129	3	по полудни въ 10 час.	Присылаемого Горбачевского посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 3 февраля 1826.
130	—	въ исходѣ 11 ч. по полуд.	Присылаемого Андріевича посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 3 февраля 1826.
131	—	въ исходѣ 12 ч. по полуд.	Присылаемого Лукашевича посадить, гдѣ лучше, и содержать хорошо. С.-П. 3 февраля 1826.
132	4	въ 2 ч. по полудни.	Присылаемого Веденяпина посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 4 февраля 1826.
133	1826 февр.	по полудни въ 10 час.	Присылаемого Безчаснаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 4 февраля 1826.
134	6	въ 10 час.	Карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „письмо вручить можно г. Раевскому; можно дозволить видѣть тѣ же лица, кои въ первый разъ видѣли“.
			Получ. 6 февраля 1826 въ 10 часовъ.
			Кончилось свиданіе въ 11 часовъ.
135	7	въ 9 ч. по полудни.	Присылаемого Пестова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 7 февраля 1826.
136	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемого Кирѣева посадить по усмотрѣнію и содержать строго.
137	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемого Торновскаго посадить и содержать хорошо. С.-П. 10 февраля 1826.
138	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемого Громницкаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10 февраля 1826.
139	9	по полудни въ 12 час.	Присылаемого Лисовскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10 февраля 1826.
140	11	въ 10 ч. по полудни.	Присылаемого Андріевича 2 посадить, гдѣ удобно, и содержать строго. С.-П. 11 февраля 1826.
141	13	по полудни въ 9 час.	Присылаемого Комарова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13 февраля 1826.
142	14	въ нач. 1 ч. по полудни.	Посылаемого Франка посадить по усмотрѣнію, содержа строго. С.-П. 14 февраля 1826.
143	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 1 ч.	Присылаемого Юшневскаго 2 посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 14 февраля 1826.
144	15	по полудни въ 10 ч.	Присылаемого п. п. Арсеньева посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.
145	—	въ 11 ч. по полудни.	Присылаемого Красносельскаго 1 посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.
146	16	по полудни въ 9 час.	Присылаемыхъ двухъ Красносельскихъ и Веденяпина 2 посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16 февраля 1826.
147	18	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Фролова 2 и Фурмана посадить и содержать строго. С.-П. 18 февраля 1826.
148	19	по полудни въ 10 час.	Присылаемыхъ Черноглазова, Тиханова и Мозгана посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 19 февраля 1826.
149	21	по полудни въ 1 час.	Присылаемого Перетца посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 20 февраля 1826.
150	22	въ 3 ч по полудни.	Присылаемого Шимкова, Мозгалевскаго и Шахирева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22 февраля 1826.

Копіи съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣній въ имя мое послѣдовавшихъ съ 1 января по 1 февраля 1826 г. по сему описанію начиная съ № 47 по 150 № и съ онымъ включительно всего сто четыре, отмѣченные противу каждого мною «вѣрно».

Генераль-адъютантъ Сукинъ.

6 августа 1826 года.

Императоръ Николай I и М. М. Сперанскій - въ Верховномъ судѣ надъ декабристами.

I.

Въ июльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1916 г. напечатана любопытнѣйшая статья великаго князя Николая Михайловича: «Казнь пяти декабристовъ 13 іюня 1826 года и императоръ Николай I.» Великій князь выясняетъ, въ частности, долю участія имп. Николая въ смертномъ приговорѣ пяти декабристамъ, поставленнымъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ въѣзъ разрядовъ. Въ статьѣ великаго князя заслуживаютъ вниманія общія соображенія автора и новыя фактическія данныя, впервые появившіяся въ печати и заключающіяся въ четырехъ письмахъ императора Николая Павловича къ своей матери отъ 10, 12 и 13 іюля 1826 года. 10 іюля—дата утвержденія приговора Верховнаго суда, 13 іюля—дата приведенія приговора въ исполненіе, дня казни декабристовъ.

Общія соображенія, которыми аргументируетъ великій князь, сводятся къ указанію на вліянія «разныхъ вѣрныхъ слугъ и приближенныхъ» въ родѣ Левашова, Чернышева и другихъ изъ числа «судей-палачей», какъ ихъ именуетъ великій князь. Они работали во всю, чтобы суровость приговора не была черезчуръ смягчена великодушіемъ монарха. Ихъ работѣ помогало и воздѣйствіе на Николая Павловича со стороны матери, императрицы Маріи Ѣеодоровны. «Съ властной матушкой ему пришлось считаться»,—пишетъ великій князь.—«Еще въ періодъ дѣтства и юности ему при-

ходило въслушивать одну и ту же фразу. «Alexandre n'a jamais su punir les assassins de son père»... Скончалась бы, напримѣръ, Марія Ѣеодоровна, не въ 1828 г., а до процесса декабристовъ, великодушіе ея сына не встрѣтило бы противодѣйствія въ лицѣ чтимой имъ матери, но всѣ обстоятельства слагались какъ-то особенно и не облегчали ему задачи, а только усложняли ее. Постоянное воспоминаніе о покойномъ братѣ, notre ange, «томъ ангелѣ, который былъ невольной причиной его труднаго положенія, тоже сдерживало порывы души, чтобы не омрачить памяти усопшаго. Всѣ сонмъ окружающихъ царедворцовъ, большинство которыхъ думали исключительно о собственномъ благополучіи и старались выслужиться передъ молодымъ неопытнымъ и мало кому извѣстнымъ новымъ самодержцемъ Россіи, вносили только смущеніе въ чуткую душу Николая Павловича».

Доказательство благородства и великодушія Николая Павловича въ дѣлѣ декабристовъ великій князь извлекаетъ изъ публикуемыхъ имъ писемъ къ матери. «Этихъ писемъ, пишетъ великій князь, достаточно, чтобы благородная личность государя заняла въ исторіи подобающее мѣсто, а не сравнивалась съ какимъ-то палачомъ на тронѣ, жаждавшимъ страданій и крови своихъ подданныхъ. Пора эти представленія о Николаѣ I отнести въ область легенды, созданной на почвѣ ненависти и вражды къ этому строгому блюстителю закона, который, быть можетъ, и противъ воли, но долженъ былъ карать нарушителей его и казнить сурово съ первыхъ же дней своего царствованія».

II.

Обратимся къ этимъ письмамъ и къ комментаріямъ. По словамъ комментатора, «тѣ душевныя мученія, которыя испытывалъ Николай Павловичъ въ дни, непосредственно слѣдующіе за рѣшеніемъ Верховнаго суда и исполненіемъ приговора, особенно ярко переданы въ письмахъ государя къ матери, находившейся въ ту пору въ Москвѣ. Въ строкахъ этихъ писемъ безъ всякой прикрасы выражены та тревога, которая владѣла Николаемъ I, и тѣ страданія,

черезъ которыхъ онъ невольно долженъ былъ пройти раньше, чѣмъ утвердить приговоръ Верховнаго суда».

Вотъ первое изъ напечатанныхъ великимъ княземъ писемъ, написанное 10 іюня 1826 года въ Царскомъ Селѣ.

«Ужасный день насталъ, милая матушка, и, согласно вашего приказанія, я сообщаю вамъ о происшедшемъ. Сегодня я получилъ докладъ Верховнаго суда, составленный кратко, и онъ далъ мнѣ возможность, кромѣ пяти человѣкъ, воспользоваться даннымъ мнѣ правомъ, — не много убавить степень наказанія. Я отстраняю отъ себя всякій смертный приговоръ, а участь пяти наиболѣе жалкихъ предоставляю рѣшенію суда. Эти пять слѣдующіе: Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ; 24 приговорены къ вѣчной каторгѣ вмѣсто смертной казни. Въ числѣ этихъ находятся: Трубецкой, Оболенскій, Волконскій, Щепинъ-Ростовскій и имъ подобные.

Я провелъ тяжелыя сутки и, проходя черезъ покой нашего ангела, я себя сказалъ, что за него мнѣ приходится исполнять этотъ ужасный долгъ и что Всемогуцій въ Своей милости избавилъ его отъ этихъ мученій. Но «да будетъ воля Твоя», и отъ глубины души поблагодаримъ Провидѣніе, что Оно спасло нашу дорогую родину».

Великій князь сопровождаетъ письмо слѣдующимъ комментариемъ:

«Значитъ, еще 10 іюля, когда Николай Павловичъ получилъ докладъ Верховнаго уголовного суда, онъ сталъ волноваться. Онъ преисполненъ чувствомъ великодушія, не желаетъ подписывать смертнаго приговора, думаетъ хоть немного смягчить участь осужденныхъ, словомъ — душевная борьба еще въ зачаткѣ. И, проходя по комнатамъ покойнаго ангела, «notre ange», Николай легко отдаетъ себѣ отчетъ, что страдаетъ изъ-за него, но прощаетъ ему и даже радуется, что чаша мученій миновала Благословеннаго монарха.

«Сколько глубокой драмы въ этихъ размышленіяхъ при прогулкѣ по комнатамъ Александра, — комментируетъ великій князь. — Вѣроятно, Николаю Павловичу пришли на умъ событія ужасной ночи 1801 года, послѣ которыхъ не только не было казней, но даже и суда надъ виновными. А теперь обстановка другая, и приходится сурово наказывать

другихъ людей, болѣе преступныхъ въ замыслахъ, чѣмъ въ исполненіи».

Въ комментаріи великаго князя не все можно признать соответствующимъ дѣйствительности. Въ императоръ Николаѣ I не происходило никакой душевной борьбы, никакой борьбы великодушія съ суровымъ долгомъ ни въ тѣ дни, когда писались письма, ни въ ближайшее время, непосредственно имъ предшествовавшее. Что смертныя казни по дѣлу декабристовъ должны быть, Николай Павловичъ рѣшилъ про себя задолго до вынесенія приговора въ Верховномъ судѣ, можно сказать, даже до начала дѣятельности Верховнаго суда. Заслуживаютъ сугубаго вниманія слѣдующія, цитированныя еще Н. К. Шильдеромъ, строки письма Николая Павловича къ Константину Павловичу отъ 6 іюня: «Въ четвергъ (3 іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ 10 часовъ утра до трехъ часовъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть окончено. Затѣмъ наступитъ казнь; ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія». — Но не только содроганіе сопровождало мысли Николая Павловича о неизбежныхъ смертныхъ казняхъ. За только что приведенными строками слѣдуетъ еще одна фраза, чрезвычайно характерная для мыслей Николая Павловича. «Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія... Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости». Значитъ, мысли о предстоящей казни, императоръ не только содрогался въ мысляхъ, но и рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ все это будетъ, прикидывалъ, выбиралъ мѣсто.

Слѣдуетъ остановиться съ подробностью на утвержденіи, что инициатива смертной казни была отвергнута Николаемъ Павловичемъ и исходила только отъ Верховнаго суда. Съ такимъ утвержденіемъ слѣдовало бы разъ навсегда покончить.

Извѣстно, что Верховный уголовный судъ поставилъ въ разрядовъ пять декабристовъ: Пестеля, Рылѣева, Каховскаго, С. И. Муравьева-Апостола и М. А. Бестужева-Рюмина и положилъ имъ смертную казнь четвертованіемъ. Всѣ остальные раздѣлены на 11 разрядовъ; принадлежавшихъ къ первому (въ числѣ 31 чел.) судъ присудилъ предать

смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Получивъ докладъ Верховнаго суда, императоръ Николай замѣнилъ смертную казнь первому разряду вѣчной и срочной каторгой и весьма незначительно смягчилъ наказанія по другимъ разрядамъ. Относительно же пяти виѣсразрядныхъ въ указѣ Верховному суду, 10 іюля, было сказано слѣдующее: «участъ преступниковъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены виѣс разрядовъ и виѣс сравненія съ другими, предаю рѣшенію Верховнаго уголовного суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ состоится». Судъ же, соображаясь съ монаршимъ милосердіемъ, въ семь дѣлъ явленнымъ смягченіемъ казней и наказаній, приговорилъ вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ Пестеля, Рылѣва, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина и Каховскаго за ихъ тяжкія злодѣянія повѣсить».

Съ перваго взгляда кажется, что судъ превзошелъ суровостью самого государя, что государь отклонилъ отъ себя утвержденіе смертнаго приговора, что смертная казнь была вынесена судомъ по его собственному почину и сознанію. Такъ и повелось съ давнихъ поръ подчеркивать мягкость Николая Павловича и жестокость суда. Но обратимся къ даннымъ фактическимъ.

«Я отстраняю отъ себя всякій смертный приговоръ» — писалъ Николай Павловичъ матери 10 іюля 1826 года. Но въ этотъ же день, послѣ подписи Высочайшаго указа Верховному суду, начальникъ штаба его величества баронъ И. И. Дибичъ обратился къ предсѣдателю Верховнаго уголовного суда князю П. В. Лопухину съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь князь Петръ Васильевичъ. Въ Высочайшемъ указѣ о государственныхъ преступникахъ на докладъ Верховнаго уголовного суда, въ сей день состоявшемся, между прочимъ въ статьѣ 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести ихъ злодѣяній не включены въ разряды и стоятъ виѣс сравненія, предаются рѣшенію Верховнаго уголовного суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семь судѣ состоится.

«На случай сомнѣній о видѣ ихъ казни, какая симъ судомъ преступникамъ опредѣлена быть можетъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ предварить вашу

свѣтлость, что Его Величество никакъ не соизволяетъ не токмо на четвертованіе, яко казнь мучительную, но и на разстрѣляніе, какъ казнь, однимъ воинскимъ преступленіемъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы и, словомъ, ни на какую смертную казнь, съ пролітіемъ крови сопряженную.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга баронъ И. Дибичъ».

Весьма незначительной долей свободы надѣлалъ Николай Павловичъ Верховный уголовный судъ, когда участъ пяти декабристовъ предавалъ рѣшенію суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семь судѣ состоится. Государь заранѣе не соглашался ни на четвертованіе, ни на разстрѣляніе, ни на отсѣченіе головы, словомъ ни на какую казнь, съ пролітіемъ крови сопряженную. Оставалась только висѣлица... Никакого иного выбора Николай Павловичъ суду не далъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что Николай Павловичъ, «отстранивъ отъ себя всякій смертный приговоръ», внимательно («не безъ содроганія въ мысляхъ и проходя по комнатѣ ангела») перебралъ всѣ виды смертной казни, сдѣлалъ имъ расцѣнку и намѣтилъ видъ, наиболѣе соотвѣтствующій положенію вещей.

Письмо барона И. И. Дибича дѣлаетъ лишними всякія разсужденія объ инициативѣ въ дѣлѣ смертнаго приговора декабристамъ. Письмо это было впервые напечатано мною лѣтъ десять тому назадъ. При яркомъ освѣщеніи этого документа дѣйствительная роль императора Николая Павловича выступаетъ въ очертаніяхъ, ясныхъ до прозрачности.

III.

Но, быть можетъ, допустимо предположить, что выдѣленіе виѣс разрядовъ и обреченіе выдѣленныхъ особо страшной участи было все таки дѣломъ суда, результатомъ собственной его инициативы.

Въ донесеніи суда государю читаемъ: «Хотя милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но Верховный уголовный судъ приѣмлетъ дерзновеніе представить, что есть

степени преступления, столь высокія и съ общою безопасностью столь слитныя, что самому милосердію онѣ, кажется, должны быть недоступны». Великій князь Николай Михайловичъ подчеркиваетъ стремленіе Верховнаго суда ограничить самодержца въ его правѣ помилованія. «Не даромъ же, пишетъ великій князь, пять приговоренныхъ къ смертной казни были выдѣлены въ особую категорію какъ бы вѣй разряда. Этимъ выдѣленіемъ изъ числа другихъ, приговоренныхъ тоже къ смертной казни, какъ бы исключалась даже мысль о возможности смягченія ихъ участи. И расчетъ этихъ судей-палачей оказался вѣрнымъ, такъ какъ смягченіе участи пяти было бы уже истолковано, какъ актъ милосердія со стороны новаго государя, который долженъ былъ карать за замыслы, направленные противъ его державнаго предшественника».

Мы уже цитировали письмо Николая Павловича къ брату, цесаревичу Константину Павловичу, заключающее непреложное свидѣтельство о твердомъ и безповоротномъ рѣшеніи Государя—еще до начала дѣятельности Верховнаго суда—завершить процессъ декабристовъ смертными казнями. «Я предполагаю произвести ихъ на эспланадѣ крѣпости». Верховный судъ не долженъ былъ внести ни малѣйшаго измѣненія въ Высочайшій планъ, да если бы онъ и захотѣлъ измѣнить что-либо, не могъ бы сдѣлать этого, не могъ бы въ силу Высочайше же опредѣленныхъ ему условій предѣловъ дѣятельности. При выясненіи отношеній Николая Павловича къ участи привлеченныхъ къ суду декабристовъ необходимо отдать отчетъ въ томъ, въ какой мѣрѣ былъ самостоятеленъ Верховный судъ въ своей работѣ и въ своихъ заключеніяхъ. Для этого слѣдуетъ обратить вниманіе на организацію Верховнаго уголовного суда.

Н. К. Шильдеръ въ своемъ трудѣ объ императорѣ Николаѣ I напечаталъ цѣлый рядъ документовъ по исторіи Верховнаго суда. Одного внимательнаго обзора этихъ документовъ было бы достаточно для заключенія о томъ, что для самостоятельной инициативы Верховнаго суда не было мѣста. Обращеніе же къ хранящимся въ архивѣ, неопубликованнымъ еще матеріаламъ неотвратимо приводитъ изслѣдователя къ ясному и опредѣленному выводу, что Верховный уголовный судъ явился чистѣйшей комедіей.

Въ такомъ утвержденіи можно заподозрѣть элементъ публицистическій, но въ дѣйствительности самый сухой и точный историкъ не протестовалъ бы противъ такого внѣшне-публицистическаго вывода, если бы ознакомился съ архивнымъ матеріаломъ.

Верховному уголовному суду при началѣ его занятій были преподаны тщательныя указанія о процессѣ судопроизводства какъ въ оглашенныхъ въ судѣ «дополнительныхъ степеняхъ обряда», такъ и конфиденціальныхъ разъясненіяхъ предсѣдателю суда. Всѣ дѣйствія суда были строго предопредѣленными. Такъ, на примѣръ, суду предписано было выбрать комиссію, которая должна была произвести «надлежащее положенное законами удостовѣреніе въ слѣдствіи». Форма выраженія даетъ поводъ думать, что комиссія эта могла бы проявить нѣкоторую самостоятельность, производя судебное слѣдствіе. Но въ конфиденціальномъ сообщеніи предсѣдателю ревизіонной комиссіи были поставлены точныя рамки дѣйствій. Членамъ комиссіи было запрещено вступать въ объясненія съ подсудимыми. Комиссія должна была предъявить и получить отвѣты на три вопроса: 1) рукой ли подсудимаго подписаны показанія, данныя имъ въ слѣдственной комиссіи, 2) добровольно ли подписаны показанія и 3) была ли дана очная ставка. «Только эти вопросы»,—никакихъ другихъ не могла ставить комиссія. Этими тремя вопросами исчерпывалась та сторона судебного процесса, что теперь называется судебнымъ слѣдствіемъ. Ничего соотвѣтствующаго «судебнымъ преніямъ, преніямъ сторонъ» въ Верховномъ уголовномъ судѣ не было.

Но кто же разработалъ такъ тщательно программу дѣятельности Верховнаго уголовного суда,—кто предопредѣлилъ ходъ дѣйствій суда до такой степени, что не оставилъ мѣста ни мысли, ни волѣ, ни инициативѣ его членовъ?

Конечно, имп. Николай Павловичъ. Дѣятельнѣйшую же ему помощь въ разработкѣ плана работъ Верховнаго суда оказалъ никто иной, какъ Михайлъ Михайловичъ Сперанскій.

IV.

Слѣдственная комиссія еще не завершила порученнаго дѣла, а Николай Павловичъ уже ей трудился надъ деталь-

ной разработкой программы суда надъ декабристами. Докладъ слѣдственной комиссіи помѣченъ 30 мая 1826 года, но уже въ началѣ мая началась заготовка бумагъ касательно организации Верховнаго уголовного суда. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ подготовительныхъ работахъ былъ самъ государь, въ учрежденіи и дѣятельности Верховнаго суда проявившій столь же широкую высочайшую инициативу, какая бросается въ глаза при знакомствѣ съ дѣйствіями слѣдственной комиссіи. Ближайшимъ помощникомъ Николая Павловича въ работахъ о Верховномъ судѣ, дѣятельнымъ исполнителемъ его предначертаній явился Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Участіе его въ Верховномъ судѣ надъ декабристами—самая неизвѣстная и темная страница его біографіи ¹⁾. А эта страница изъ такихъ, что бросаютъ яркій свѣтъ на весь душевный складъ, вскрываютъ подлинную психологію сего государственнаго мужа. Данные, ярко характеризующія эту сторону дѣятельности Сперанскаго, въ изобиліи имѣются въ архивномъ производствѣ Верховнаго суда. Опубликованіе архивныхъ документовъ принесетъ истинное открытіе біографамъ Сперанскаго.

Членами суда были очень многіе, но участіе всѣхъ ихъ представляется рядовымъ. Объ участіи же Сперанскаго можно безъ преувеличенія заявить, что на немъ держалось все дѣло. Перечисляя имена, способныя въ то время вызвать довѣріе, великій князь во всемъ составѣ суда отмѣчаетъ два имени: И. В. Васильчикова и М. М. Сперанскаго и о Сперанскомъ говоритъ, что онъ «умышленно старался быть въ тѣни и избѣгалъ высказывать свое мнѣніе». Первую половину утвержденія можно принять, но во второй своей части утвержденіе нуждается въ значительныхъ оговоркахъ. Мнѣніемъ Сперанскаго, находившимъ крѣпкую опору въ

¹⁾ Объ участіи М. М. Сперанскаго въ организаціи и дѣятельности Верховнаго суда находимъ совершенно бѣглое упоминаніе въ работѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго о П. И. Пестелѣ. Болѣе подробное и определенное заявленіе объ этой роли М. М. Сперанскаго было сдѣлано мною въ работѣ о П. Г. Каховскомъ („Былое“ 1906 г. январь-февраль). По моимъ слѣдамъ сдѣлалъ открытіе о роли М. М. Сперанскаго и князь Н. В. Голицынъ, напечатавшій въ „Русскомъ Историческомъ Журналѣ“ 1917, кн. 1—2) статью „М. М. Сперанскій въ Верховномъ судѣ—надъ декабристами“.

мысляхъ государя, питалась вся дѣятельность суда. Сперанскій разработалъ до послѣдней ниточки всю процессуальную сторону дѣла, набросалъ программу всѣхъ дѣйствій суда, опредѣлилъ все направленіе дѣятельности суда какъ по формѣ, такъ и по существу. Это онъ подвѣлъ юридическій фундаментъ подъ это дѣло, собравъ всѣ прецеденты и всѣ подходящіе пункты и статьи изъ старыхъ указовъ и законовъ.

На основаніи многочисленныхъ черновиковъ, тщательно сохраненныхъ въ архивѣ и до сихъ поръ не привлекавшихъ интереса изслѣдователей, можно утверждать, что почти ни одна бумага по Верховному уголовному суду не миновала рукъ М. М. Сперанскаго, этого «рядового» члена судебного трибунала. Всѣ судебные акты, всѣ доклады составлены и записаны начерно М. М. Сперанскимъ, и черновики изобличаютъ серьезнѣйшую и напряженнѣйшую работу мысли. Рескрипты самого государя председателю Верховнаго суда, министру юстиціи, военному министру начерно написаны Сперанскимъ. И даже цитированное нами замѣчательное письмо барона И. И. Дибича къ князю П. В. Лопухину о смертной казни, съ пролитіемъ крови несопряженной, — увы! — сохранилось тоже въ черновикѣ руки М. М. Сперанскаго. Онъ руководилъ дѣйствіями председателя Верховнаго суда, не давая ему замѣтить своего руководственного вліянія. Сохранились въ архивѣ писанные Сперанскимъ брѣвны тѣхъ вопросовъ и тѣхъ распоряженій, которые председатель долженъ былъ предложить и сдѣлать въ засѣданіяхъ суда. Сохранилась набросанная М. М. Сперанскимъ детальнѣйшая программа засѣданій суда съ указаніемъ, что, въ какой день и часъ долженъ дѣлать Верховный судъ. Въ случаяхъ возникновенія недоумѣній, не предусмотрѣнныхъ въ инструкціяхъ, предварительно до суда разработанныхъ Сперанскимъ, Сперанскій подсказывалъ председателю необходимыя рѣшенія; не надѣясь на его память, Сперанскій набрасывалъ собственноручно проекты разрѣшенія недоумѣній.

Роль М. М. Сперанскаго сознавалась членами суда, и при выборѣ въ комиссію по распредѣленію разрядовъ 11 голосовъ изъ 14 (по куріи Государственнаго Совѣта) было подано за М. М. Сперанскаго, остальные три голоса

разбились и были поданы за трехъ членовъ суда. Одинъ изъ этихъ трехъ голосовъ принадлежалъ самому М. М. Сперанскому и былъ поданъ за А. С. Шишкова.

Будучи избранъ въ комиссію по распредѣленію разрядовъ, Сперанскій явился главнымъ и единственнымъ дѣятелемъ комиссіи. Подъ его руководствомъ комиссія «опредѣлила главные роды преступленія, отличила въ каждомъ родѣ всѣ его виды и, оставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, произвела начала разрядовъ». Докладъ разрядной комиссіи напечатанъ въ трудѣ Н. К. Шильдера. Желаящіе могутъ полюбоваться схематической стройностью созданной М. М. Сперанскимъ лѣстницы наказаній. Эта схематическая изысканность — отличительный признакъ творчества Сперанскаго, странно роднящій этотъ разрядный планъ съ другимъ его произведеніемъ — «Планомъ государственнаго устройства Россіи». Надо прибавить, что комиссія по разрядамъ, т. е. Сперанскій, не ограничилась выполненіемъ чисто теоретическихъ заданій, а еще... только для примѣра, — исключительно для примѣра, сдѣлала и практическое примѣненіе, распредѣливъ по разрядамъ всѣхъ подсудимыхъ. Это примѣрное распредѣленіе цѣликомъ было принято судомъ. Бумаги разрядной комиссіи всѣ составлены и набросаны начерно М. М. Сперанскимъ. Черновики его показываютъ, что Сперанскій потратилъ массу труда и энергіи на распредѣленіе по разрядамъ. Онъ перечелъ всѣ отдѣльныя дѣла, конспективно обозначилъ специфическіе признаки преступленій. Трудъ разрядной комиссіи былъ въ полной мѣрѣ и неприкосновенности воспринятъ Верховнымъ судомъ.

Сперанскій былъ избранъ и въ комиссію по составленію доклада и составилъ всеподданнѣйшее донесеніе Верховнаго суда; черновики этого донесенія также сохранились въ большомъ количествѣ. Наконецъ, онъ же редактировалъ и отвѣтъ на это донесеніе — Высочайшій указъ отъ 10 іюля. Оставаясь рядовымъ членомъ суда, онъ докладывалъ время отъ времени о ходѣ дѣлъ Государю и просилъ у него разъясненій — лично и черезъ начальника главнаго штаба барона И. И. Дибича.

Чѣмъ объяснить такую ревность въ этомъ дѣлѣ М. М. Сперанскаго и такой выборъ помощника со стороны государя?

Не тѣмъ ли, что имя Сперанскаго связано какими-то нитями съ движеніемъ декабристовъ, что это имя произносилось неоднократно во время производства дѣла? Заговорщики относились къ Сперанскому съ уваженіемъ, прочили его во временное правительство. Ходили слухи, что при успѣхѣхъ возстанія Сперанскій перешелъ бы на сторону возставшихъ и т. д. Правда, слѣдственная комиссія не нашла никакого подтвержденія этимъ слухамъ, но осталось какое-то подозрѣніе, тѣнь подозрѣнія, а предшествовавшая судьба Сперанскаго питала такія подозрѣнія. А подозрительнѣе всѣхъ членовъ слѣдственной комиссіи былъ Николай Павловичъ. Онъ привлекъ Сперанскаго къ активнѣйшему участію въ процессѣ не только потому, что онъ былъ самый дѣльный и самый умный изъ всѣхъ сановниковъ. Въ этомъ привлеченіи чудятся иные психологическіе мотивы, аналогичные тѣмъ, которые побудили императора Павла Петровича приказать Орлову нести прахъ убитаго имъ Петра Федоровича. Не безъ злораднаго чувства, надо полагать, Николай Павловичъ поручалъ Сперанскому судить и распредѣлять наказанія — отъ ссылки на поселеніе до смертной казни — декабристамъ, среди которыхъ у Сперанскаго было не мало личныхъ знакомыхъ. Николай Павловичъ правильно рассчиталъ, что при распредѣленіи вины, при назначеніи наказаній, Сперанскій при всемъ желаніи быть мягкимъ, несомнѣнно, усугубитъ строгость, ибо малѣйшее снисхожденіе съ его стороны было бы истолковано, какъ свидѣтельство о сочувствіи отношеніи Сперанскаго къ декабристамъ, а вся дальнѣйшая жизненная и служебная карьера Сперанскаго возможна была только подъ условіемъ рѣшительно доказаннаго отсутствія какихъ-либо отношеній и сношеній его съ мятежниками.

Дочь Сперанскаго рассказываетъ, что ее отецъ сильно волновался и плакалъ по ночамъ во время процесса. Вспомнимъ душевный обликъ Сперанскаго, — мягкосердечнаго чловѣка, далекаго отъ бытовой гущи жизни, отдавашаго дань мистическимъ увлеченіямъ своего времени; оцѣнимъ противоестественность того занятія, въ которое онъ ушелъ съ головой въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ 1826 года, и пожалѣемъ его за ночныя рыданія и слезы.

Первыя сношенія Николая Павловича со Сперанскимъ

по вопросу об организации суда начались в началѣ мая. Уже 6 мая Сперанскій набросалъ черновикъ манифеста о Верховномъ судѣ. 23 мая баронъ И. И. Дибичъ писалъ Сперанскому: «Государь императоръ, не имѣя съ собою бумагъ, представленныхъ вами касательно учрежденія Верховнаго суда, повелѣтъ мнѣ соизволилъ сообщить вашему превосходительству, что его императорскому величеству угодно, дабы вы приказали перебѣлать другой экземпляръ съ имѣющихся у васъ черновыхъ, исправивъ по замѣчаніямъ, кои были сдѣланы его императорскимъ величествомъ, и съ этими бумагами изволили пожаловать ко мнѣ завтра въ 6 часовъ вечера для разсмотрѣнія обще съ военнымъ министромъ. «Если бы однако сихъ бумагъ не успѣли переписать начисто, то въ такомъ случаѣ не угодно ли будетъ привезти хоть черновыя». А 29 мая военный министръ Татищевъ сообщилъ Сперанскому: «Государю императору благоугодно, чтобы ваше превосходительство прибыли завтра въ Царское Село, такъ чтобы быть послѣ обѣдни у его императорскаго величества и представить бумаги по Верховному суду» Объ этой бесѣдѣ Николая Павловича со Сперанскимъ сохранилась память въ слѣдующей записочкѣ государя барону Дибичу, представившему нѣкоторые перебѣленные проекты по Верховному суду: «C'est parfaitement bien. J'ai eu une longue conversation avec Spéransky. Elle s'est passé d'une manière fort calme et amicale. «Это (т. е. бумаги) очень хорошо. У меня была долгая бесѣда со Сперанскимъ. Она прошла въ весьма спокойномъ и дружественномъ тонѣ, и онъ принесъ повинную». Въ пользу Сперанскаго краснорѣчиво говорило блестящее выполнение предначертаній по организаци и учрежденію Верховнаго суда. Но Николай Павловичъ потребовалъ отъ Сперанскаго не только этой, чисто теоретической работы; онъ потребовалъ чтобы Сперанскій, оставаясь рядовымъ членомъ суда, былъ главнымъ его дѣятелемъ, руководителемъ и исполнителемъ всѣхъ желаній государя. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что между государемъ и Сперанскимъ были обусловлены и выяснены въ общихъ чертахъ и схема распределенія подсудимыхъ по разрядамъ и предѣлы «неизбѣжной» смертной казни.

Мы не хотимъ, впадая въ ошибку, утверждать, что, не

будь predeterminedъ ходъ и исходъ дѣятельности Верховнаго суда, члены суда, предоставленные собственному своему волю, вынесли бы болѣе мягкій приговоръ и побѣдили бы императора Николая I въ великодушіи и милосердіи. Справедливо говорить великій князь Николай Михайловичъ, что члены, выбранные въ комиссію для распределенія по разрядамъ, не отличались ни умомъ, ни высокимъ качествомъ души. Въ этомъ случаѣ—внѣ давленія Высочайшей воли и руководства Сперанскаго—приговоръ суда, несомнѣнно, былъ бы беспорядочнѣе, безтолковѣе и, можетъ быть, даже строже. Но суть въ томъ, что даже при такомъ составѣ суда, который обезпечивалъ желанный приговоръ, Николай Павловичъ ничего не оставилъ на долю своеволия, самостоятельности суда и явился единственнымъ вершителемъ дѣла.

Одно имя надо выдѣлить въ этомъ Верховномъ судѣ—имя члена Государственного Совѣта, извѣстнаго адмирала Н. С. Мордвинова. Онъ одинъ изъ всѣхъ членовъ суда (въ томъ числѣ и представителей духовнаго сословія) подальгелось противъ смертной казни кому-либо изъ подсудимыхъ.

Такимъ образомъ, должно признать несоответствующимъ утверждение, что судъ влиялъ на Николая Павловича и въ чемъ-то ограничивалъ милосердіе и великодушіе.

V.

Письмо Николая Павловича къ Маріи Θεодоровнѣ, написанное 10 іюля, въ день утвержденія приговора Верховнаго суда, и приведенное во второй главѣ нашей статьи, дало великому князю Николаю Михайловичу поводъ поставить вопросъ о душевной борьбѣ, вызванной приговоромъ суда. Великій князь высказываетъ мнѣніе, что въ это время «душевная борьба была еще въ зачаткѣ», но надо принять во вниманіе, что письмо писано императоромъ Николаемъ уже послѣ утвержденія имъ приговора. Если и была въ душѣ Николая Павловича борьба, то 10 іюля мы могли бы наблюдать не начало, а конецъ этой борьбы, разрѣшившейся въ актѣ утвержденія приговора. Но все, что мы знаемъ теперь объ организаци Верховнаго уголовного суда

и отношеніи къ этому дѣлу Николая Павловича, неотвратно приводитъ насъ къ убѣжденію, что, если и была борьба въ его душѣ, то она была закончена еще до начала дѣятельности суда, ибо опредѣленное рѣшеніе о неизбежности смертной казни было окончательно принято имъ до открытія дѣйствій суда. Ограничимся этимъ выводомъ и не будемъ искать момента, когда началась и когда завершилась душевная борьба Николая Павловича. Не поясняя и не доказывая нашего утвержденія, скажемъ, что эта борьба началась и кончилась 14 декабря 1825 года.

✓ Душевная тревога, обуявшая Николая Павловича, возникла не изъ тѣхъ душевныхъ глубинъ, въ которыхъ рождается чувство великодушія и чистаго благородства. Биографы императора Николая I признаютъ, что событія 14 декабря произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе и имѣли рѣзкое и длительное, вплоть до его смерти, вліяніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной жизни и въ направленіи его государственной политики. Внутренняя политика была предопредѣлена этими событіями на все время царствованія Николая I. 14 декабря 1825 года его душевный организмъ перенесъ глубокое потрясеніе, отъ котораго онъ потомъ уже не оправился. Николай Павловичъ ужаснулся и испугался. Острое чувство страха 14 декабря пронизало все его существо и затѣмъ перешло въ хроническое состояніе боязни и опасенія. Всю свою остальную жизнь Николай Павловичъ сильно боялся проявленій общественности, причемъ общественность мыслилась имъ, какъ все иное, не получившее начала жизни въ нѣдрахъ правительства. Страхъ, испытанный Николаемъ Павловичемъ, нарушилъ правильное воспріятіе имъ дѣйствительности; страхъ искажалъ размѣры воспринимаемыхъ имъ явленій жизни. Въ дѣйствительности, и одной десятой не существовало того, что рисовало воображеніе, распыленное чувствомъ страха. Активность общественнаго движенія за время царствованія императора Николая Павловича поразительна по своей незначительности, ничтожности, но какое потрясающее значеніе придавалъ малѣйшимъ проявленіямъ броженія оппозиціи ревностно слѣдившій за ними Николай Павловичъ и съ нимъ его помощники! Чувство страха, боязни, опасеній застило ему глаза. И эта основная особенность —

неправильное воспріятіе дѣйствительности, искаженіе ея подъ вліяніемъ чувства страха, — наложила печать на всю его жизнь, на все его царствованіе. Всѣ благіе порывы, которые появлялись у него, не могли быть осуществлены при наличности такого сумбурнаго представленія о русской жизни.

Чувство страха мощно овладѣло Николаемъ Павловичемъ съ памятнаго дня 14 декабря. Боязнь, какъ бы слѣдствіе чего-либо не оставило неоткрытымъ, заставила Николая Павловича стать во главѣ слѣдственной комиссіи, заставляла не только неустанно слѣдить за всѣми ея дѣйствіями, но и самому опуститься до роли производящаго дознаніе, самому чинить допросы, самому давать приказанія объ арестахъ, самому распоряжаться о порядкѣ содержанія. Сохранилось не мало свидѣтельствъ о крайне нервномъ и тревожномъ состояніи его духа въ это время. Но слѣдствіе надо было когда-нибудь закончить. Въ маѣ 1826 года оно было оборвано, и приказано было писать докладъ. Несомнѣнно, Николай Павловичъ, несмотря на заявленіе комиссіи объ уничтоженіи всѣхъ корней заговора, остался въ увѣренности, что гдѣ-то таятся неоткрытые друзья и сообщники декабристовъ, что вотъ-вотъ они выступятъ и отомстятъ. Наконецъ, слѣдствіе окончено, начинаются засѣданія суда но тревога не прекращается. Хотѣлось бы все кончить чинно, въ порядкѣ, по плану, тщательно разработанному «про себя». «Я прикажу произвести казни на эспланадѣ крѣпости». Но тутъ сторожитъ тревога: а вдругъ враги внесутъ замѣшательство и «чинъ» нарушится! Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ тревога и смятеніе сильнѣе! Скорѣй бы, скорѣй! Въ этомъ тревожномъ состояніи писано 12 іюля второе изъ опубликованныхъ великимъ княземъ писемъ къ матери, императрицѣ Маріи Феодоровнѣ:

«Милая и добрая матушка. Приговоръ состоялся и объявленъ виновнымъ. Не поддается перу, что во мнѣ происходитъ; у меня какое то лихорадочное состояніе, которое я не могу опредѣлить. Къ этому, съ одной стороны, примѣшано какое-то особое чувство ужаса, а съ другой, благодарности Господу Богу, Коему было благоугодно, чтобы этотъ отвратительный процессъ былъ доведенъ до конца. Голова моя положительно идетъ кругомъ. Если я добавлю

къ этому о томъ количествѣ писемъ, которыя ко мнѣ ежедневно поступаютъ, одни—полныя отчаянія, а другія—написанныя въ состояніи умопомѣшательства, то могу васъ увѣрить, любезная матушка, что только одно чувство ужасающаго долга на занимаемомъ посту заставить меня терпѣть всѣ эти муки. Завтра, въ три часа утра это дѣло должно совершиться. Вечеромъ надѣюсь вамъ сообщить объ исходѣ.

Великій князь Николай Михайловичъ сопровождалъ письмо слѣдующимъ комментариемъ: «По тону письма отъ 12 іюля замѣтно, что тревожное состояніе государя дошло до высшей мѣри, такъ какъ казнь пятерыхъ должна была состояться на зарѣ слѣдующаго дня. Но за эти два дня, т. е. съ 10 по 12 іюля, черезъ сколько различныхъ вліяній долженъ былъ пройти Николай Павловичъ, когда жены, матери и сестры осужденныхъ умоляли его о помилованіи или смягченіи участи осужденныхъ, а разные генераль-адъютанты изъ бывшаго состава слѣдственной комиссіи дѣйствовали въ обратную сторону, умоляя не идти на уступки. Имена этихъ «преданныхъ» генераль-адъютантовъ были на устахъ у всѣхъ въ ту пору, а главныхъ назовемъ и теперь. То были А. И. Чернышевъ, В. В. Левашовъ и графъ Голенищевъ-Кутузовъ».

Генераль-адъютантамъ не было надобности умолять государя не идти на уступки, такъ какъ участь декабристовъ давно была рѣшена въ его сердцѣ. Неустанныя просьбы матерей и женъ доставляли не столько тревоги, сколько опасенія, какъ бы не вышло какихъ безпорядковъ при самомъ совершеніи смертной казни. И къ этому послѣднему моменту трагической исторіи декабристовъ императоръ отнесся также дѣйственно, внимательно и ревностно, какъ къ слѣдствію и суду. Надо было распорядиться, гдѣ, какъ и когда произвести ту смертную казнь, къ которой давно уже въ своихъ мысляхъ обращался Николай Павловичъ. Сначала онъ мыслить о ней съ нѣкоторымъ содроганіемъ, затѣмъ, входя въ своемъ воображеніи во всѣ фактическія подробности будущей казни, онъ постепенно освоился съ нею и наканунѣ 13 іюля могъ отнестись къ этому дѣлу чисто дѣловымъ образомъ. О часѣ казни онъ написалъ барону И. И. Дибичу слѣдующую записку: «Я полагаю на-

значить часъ вамъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ; я считаю въ 4 часа утра; такъ чтобы отъ 3 до 4 часовъ могла кончиться обѣдня, и ихъ можно было бы причастить». Существуетъ одинъ любопытный документъ, о которомъ говорилъ намъ Н. К. Шильдеръ. Самъ Шильдеръ не только не привелъ его въ своемъ трудѣ о Николаѣ I, но даже и не упомянулъ о немъ. Это—составленный и собственноручно написанный Николаемъ Павловичемъ съ многочисленными помарками обрядъ, по которому должна была быть совершена казнь и экзекуція надъ декабристами.

Но вотъ настало утро 13 іюля, смертная князь совершилась и въ этотъ день Николай Павловичъ писалъ два раза матери. Сначала записочка: «Пишу на скорую руку—два слова, милая матушка, желая вамъ сообщить, что все совершилось тихо и въ порядкѣ; гнусные и вели себя гнусно безъ всякаго достоинства. (*Les misérables se sont conduits en misérables, avec une lâcheté complète*). Сегодня вечеромъ выѣзжаетъ Чернышевъ, и, какъ очевидецъ, можетъ рассказать вамъ всѣ подробности. Извините за краткость изложенія, но, зная и раздѣляя ваше безпокойство, милая матушка, я хотѣлъ довести до вашего свѣдѣнія то, что мнѣ уже стало извѣстнымъ».

Перемену настроенія отмѣчаетъ великій князь Николай Михайловичъ: «13 іюля тонъ записки къ матери уже измѣняется. Встрѣчаются выраженія: *misérable, lâcheté*... Просвѣчиваетъ между строкъ нота удовлетворенія, что все кончилось благополучно, а безпокойство матери раздѣлялъ и государь. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что приближенный генералитетъ увѣрялъ Николая Павловича въ возможности казни пяти и чтенія приговора остальнымъ осужденнымъ. Написли люди, которымъ казалось выгоднымъ поддерживать чувство тревоги въ воцарившемся при тягостныхъ условіяхъ государѣ».

Врядъ ли ссылка на генералитетъ можетъ оправдать дѣйствительное положеніе. Послѣ 14 декабря Николай Павловичъ уже не могъ воспринимать явленій общественной жизни въ масштабѣ, соответствующемъ дѣйствительности. И если бы генералитетъ постарался представить

дѣйствительность въ правильномъ освѣщеніи, онъ просто потерялъ бы всякое довѣріе у своего повелителя.

Подробнѣе о событіяхъ 13 іюля Николай Павловичъ писалъ въ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга. (Въ моментъ казни Николай Павловичъ находился въ Царскомъ).

«Милая матушка. Часъ тому назадъ мы вернулись сюда, и по полученнымъ свѣдѣніямъ, вездѣ все спокойно, царить единодушное возмущеніе, а что все, наконецъ, кончено, производитъ всеобщее довольство. Подробности казни (т. е., чтеніе приговора и самой казни), какъ она ни ужасна, убѣдили всѣхъ, что одураченные люди заслужили эту кару; почти никто изъ нихъ не раскаялся; зато пять казненныхъ проявили большое чувство раскаянія, особенно Каховскій, который, идя на смерть, сказалъ, что молится за меня. Его единственного я и жалѣю. Да проститъ ему Господь и умиротворитъ его душу. Войска были великолѣпны, и духъ ихъ прекрасный. Завтра мы на площади отслужимъ молебствіе; эстрада находится какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ несчастный Милорадовичъ.

«Будетъ все это грустно, но и торжественно, когда вспомнишь объ этомъ днѣ жестокаго испытанія и ужаса.

«А для меня всегда будетъ утѣшеніемъ въ жизни мысль о томъ, что нашъ ангелъ избавился отъ происшедшаго, что наша честь спасена и что Господь далъ новое доказательство своей милости къ нашей дорогой родинѣ»...

«Это заключительное письмо весьма характерно, — пишетъ великій князь, — Николай Павловичъ, хотя замѣтно доволенъ, что вся эта драма закончилась, но проявляетъ чувство сожалѣнія не только къ заблудшимъ, но и къ казненному Каховскому... Николая печалитъ мысль, что громадное большинство не проявило раскаянія при чтеніи приговора... Но все-таки въ настроеніи государя при возвращеніи въ столицу изъ Царскаго Села преобладали ноты довольства и удовлетворенія, что войска оказались на высотѣ своего призванія, что нигдѣ не произошло ни инцидентовъ, ни безпорядковъ, словомъ, что все для внѣшняго міра прошло съ присущей торжественностью».

На самомъ дѣлѣ смертная казнь прошла вовсе не такъ торжественно. Спокойное выполненіе обряда было нарушено неожиданнымъ инцидентомъ: оборвалась веревка, и трое

изъ повѣшенныхъ упали на землю. Вышелъ безпорядокъ. Вотъ тутъ то, очевидно, и оказалось, что «гнусные вели себя гнусно». О сценѣ, разыгравшейся при этомъ инцидентѣ, существуетъ рассказъ княгини Е. И. Трубецкой и А. Г. Муравьевой; его приводитъ великій князь Николай Михайловичъ: «13 іюля во всѣхъ аристократическихъ кружкахъ Петрограда рассказывали, какъ достоверное, сдѣлавшееся извѣстнымъ черезъ молодого адъютанта Кутузова, что изъ трехъ сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылѣвъ и, обратившись къ Кутузову, сказалъ: «Вы, генералъ, вѣроятно, пріѣхали посмотрѣть, какъ мы умираемъ въ мученіяхъ». Когда же неистовый возгласъ Кутузова: — «Вѣшайте ихъ скорѣе снова» — возмущилъ спокойный, предсмертный духъ Рылѣва, этотъ свободный, необузданный духъ передового заговорщика вспыхнулъ прежней неукротимостью и вылился въ слѣдующемъ отвѣтѣ: «Подлый опричникъ, тиранъ. Дай же палачу твои эксельбанты, чтобы намъ не умирать въ третій разъ».

Великій князь Николай Михайловичъ, приведя этотъ рассказъ, добавляетъ: «по тѣмъ даннымъ, которые мы имѣемъ, Рылѣвъ съ петли не срывался и умеръ сразу». Но утвержденіе великаго князя неправильно. Какъ разъ мы располагаемъ точными официальными данными о томъ, что сорвались съ петель Рылѣвъ, Каховскій и Муравьевъ. Великому князю осталось неизвѣстнымъ опубликованное мной еще въ 1906 г. («Былое», мартъ, 232) донесеніе наблюдавшаго за совершеніемъ смертной казни генераль-адъютанта Голенищева-Кутузова. Вотъ оно:

«Экзекуція кончилась съ должной тишиной и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ и со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнію устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое, а именно: Рылѣвъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу».

Таковы дѣйствительныя отношенія императора Николая Павловича къ казни пяти декабристовъ.

Николай I и осужденные декабристы.

Декабрист баронъ В. И. Штейнгель, находившійся на поселеніи въ селѣ Елани, Иркутской губерніи, въ концѣ 1836 года обратился по начальству съ просьбой объ исхodataйствованіи ему прощенія въ сердцѣ государя императора Николая Павловича. «Сія милость есть потребность души его на часъ смертный» — гласилъ всеподданный докладъ по предмету его ходатайства. Впрочемъ, къ сему невестественному ходатайству онъ присоединилъ и другое, земное: просилъ и о переводѣ его въ городъ Ишимъ или другой, ближайшій къ Россіи «для утѣшенія его невиннаго, но страждущаго семейства», присовокупляя, что четверо его сыновей запечатлѣютъ, можетъ быть, кровію вѣрноподданническую благодарность. Николай Павловичъ 27 декабря 1836 года положилъ на докладъ свою знаменитую резолюцію: «Согласенъ, давно въ душѣ простилъ его и всѣхъ». Эта резолюція не выражаетъ дѣйствительнаго отношенія Николая I къ своимъ amis de 14. Нельзя не сопоставить ее съ другой, положенной 15 іюля 1833 года, т. е. почти черезъ четверть вѣка послѣ декабрьскихъ событій, на докладъ ходатайства о возвращеніи декабриста П. А. Муханова на родину въ Московскую губернію: «Согласенъ; но ежели Закревскій согласится, все-таки надо будетъ за нимъ строжайше смотрѣть; ибо я зналъ лично его скрытный характеръ, не заслуживавшій никакого довѣрія, что и доказалъ»¹⁾. Приводимъ еще нѣсколько неоглашенныхъ

¹⁾ „Былое“, 1906, XII, 54—55.

резолуцій имп. Николая I на докладахъ о декабристахъ, резолюцій, дающихъ еще нѣсколько штриховъ къ характеристикѣ его отношеній къ нимъ.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ разсказалъ о волненіяхъ, которыя пережилъ онъ, получивъ въ Петровскомъ заводѣ извѣстіе, что его женѣ, Анастасіи Васильевнѣ, урожденной Шереметевой, разрѣшено пріѣхать къ нему съ дѣтьми. По нездоровью младшаго ребенка, А. В. Якушкина не могла тотчасъ же воспользоваться разрѣшеніемъ и выѣхать въ Сибирь. Прошло время, и обстоятельства перемѣнились. Въ 1832 году она пожелала поѣхать къ мужу уже безъ дѣтей. III отдѣленіе изготвило докладъ слѣдующаго содержанія.

«Жена государственнаго преступника Якушкина въ 1829 году просила о дозволении ѣхать съ дѣтьми въ Сибирь къ мужу, и ей объявленъ былъ высочайшій отзывъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено, но что, въ мѣстѣ пребыванія ея мужа, она не найдетъ никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и, взявъ ихъ съ собой, она положитъ немалую преграду къ устройству будущаго ихъ состоянія, а потому она должна предварительно обдумать всѣ послѣдствія своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и бесполезнаго раскаянія. Въ 1832 году Якушкина, намѣреваясь одна, безъ дѣтей, отправиться къ мужу, просила доставить ей нужныя для поѣзда бумаги. По собраннымъ частнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Якушкина не искренно желаетъ ѣхать въ Сибирь, а принуждаетъ ее къ тому ея мать, женщина странная¹⁾. Она выдала се замужъ за Якушкина; на эту поѣздку заставила занять 20 т. руб. сына своего Шереметева, который и безъ того много долженъ. Если можно воспрепятствовать этой поѣздкѣ, то оказана будетъ милость всему семейству».

3 апрѣля 1832 года на этомъ докладѣ была положена слѣдующая резолюція: «Отклонить подвѣ бланки подвѣ бланки».

¹⁾ Рѣчь идетъ о Н. Н. Шереметевой, женщинѣ глубокаго и дѣйствительнаго благочестія, имѣвшей, между прочимъ, большое вліяніе на Н. В. Тоголя.

И. Д. Якушкинъ въ «Запискахъ» (М. 1905, стр. 184) рассказываетъ, что въ отвѣтной на просьбу его жены бумагѣ шефа жандармовъ было сказано, что такъ какъ Якушкина не воспользовалась своевременно дозволеніемъ, даннымъ женамъ преступниковъ слѣдовать за своими мужьями, и такъ какъ пребываніе ея при дѣтяхъ болѣе необходимо, чѣмъ пребываніе ея съ мужемъ, то государь императоръ не соизволилъ разрѣшить ей ѣхать въ Сибирь.

Членъ Сѣвернаго Общества штабсъ-капитанъ л.-гв. коннопіонернаго эскадрона Михаилъ Александровичъ Назимовъ по приговору Верховнаго Суда, смягченному указомъ 22 августа 1826 года, былъ осужденъ съ лишеніемъ чиновъ и дворянства къ ссылкѣ на поселеніе на 20 лѣтъ. Поселенъ онъ былъ въ Витимѣ Иркутской губ., а въ маѣ 1830 года переведенъ въ Курганъ, Тобольской губерніи. Въ 1832 году штабсъ-капитанъ л.-гв. сапернаго батальона Илья Назимовъ просилъ отъ лица своего и семидесятилѣтней матери объ исходатайствованіи брату его Мих. Алдр. Назимову—средства заслужить вину свою въ полкахъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. На докладѣ объ этомъ ходатайствѣ Николай Павловичъ положилъ 14 сентября 1832 года слѣдующую резолюцію: *«Онъ болѣе виноватъ, чѣмъ друіе, ибо былъ лично во всемъ заперся, такъ что, бывъ освобожденъ, ходилъ въ караулъ во внутренней и былъ на онолѣ даже 6-ю января 1826 года».*

Только въ 1837 году М. А. Назимовъ былъ назначенъ рядовымъ въ Кавказскій корпусъ, въ Кабардинскій Егерскій полкъ. 20 марта 1845 года уволенъ, за болѣзнь, отъ службы поручикомъ съ дозволеніемъ проживать въ г. Псковѣ подъ секретнымъ надзоромъ и съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы. М. А. Назимовъ плодотворно работалъ по осуществленію великой реформы 1861 года. Умеръ 2 мая 1888 года ¹⁾.

«Находящійся на поселеніи въ г. Киренскѣ государственный преступникъ Веденяпинъ, по крайней бѣдности

¹⁾ См. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго «Декабристъ М. А. Назимовъ» «Минувшіе Годы», 1908, янв., 280—282.

своей и чрезвычайной дороговизнѣ въ Киренскѣ, просить дозволенія отлучиться изъ города для заготовленія дровъ, хлѣба и проч. для разныхъ промысловъ, какъ-то: сѣдельнаго, рыбнаго и проч., и вступить для сего въ услуженіе къ частнымъ лицамъ».

На этотъ докладъ послѣдовала 1 іюня 1833 года Высочайшая резолюція: *«Согласенъ, но въ услуженіе итти не дозволять».*

По дѣлу Общества Соединенныхъ Славянъ были осуждены два брата Веденяпина: прапорщикъ 9 артиллерійской бригады Алексѣй Васильевичъ Веденяпинъ 2 и подпоручикъ той же бригады Аполлонъ Васильевичъ Веденяпинъ 1. Веденяпинъ 2, за силою указа 22 августа 1826 года, былъ отправленъ въ полевые полки Кавказскаго округа, «дабы могъ выслужить вину свою», а Веденяпинъ 1, послѣ смягченія приговора по тому же указу, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и отправленъ на поселеніе въ Сибирь на 20 лѣтъ. Къ этому Веденяпину и относится резолюція Николая Павловича. Въ Киренскѣ онъ прожилъ до 1841 г. въ февралѣ же этого года былъ опредѣленъ младшимъ писаремъ въ Иркутскій военный госпиталь, а въ декабрѣ 1843 года помѣщенъ за болѣзнь въ вѣдѣніе Иркутскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Годъ смерти его неизвѣстенъ ¹⁾.

Въ декабрѣ 1832 года былъ представленъ Николаю Павловичу списокъ государственныхъ преступниковъ, которые, въ силу указа 8 ноября 1832 года, подлежали оеовожденію отъ каторжныхъ работъ и водворенію на поселеніе. Государь собѣтвенноручно размѣтилъ на спискѣ, куда и кого отправить на поселеніе. Но вышло такъ, что генераль-губернаторъ Восточной Сибири, до полученія

¹⁾ Баронъ Розень (Записки декабриста. СПб. 1907, 278) и М. И. Муравьевъ-Апостоль (Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. Изд. М. М. Зензинова. М. 1907. 172), составившіе некрологическія даты декабристовъ, къ 1834 году относятъ смерть Веденяпина. Эта дата невѣрна, ибо не можетъ относиться ни къ Веденяпину 1-му, ни къ Веденяпину 2-му, о которомъ по официальнымъ даннымъ можно сообщить, что въ январѣ 1839 года ему разрѣшено было вступить въ гражданскую службу, подъ особеннымъ наблюденіемъ—въ комиссію народнаго продовольствія въ Тамбовѣ.

Высочайших указаний, собственной властью размѣстить преступниковъ по разнымъ мѣстамъ Иркутской и Енисейской губерній. Возникъ вопросъ: можетъ ли онъ оставить ихъ на мѣстахъ поселенія или долженъ перемѣстить согласно съ новыми указаніями. О недоумѣнномъ положеніи генералъ-губернатора III отдѣленіе сдѣлало всеподданнѣйшій докладъ, который и былъ на разсмотрѣніи 27 марта 1833 г.

На докладѣ противъ фамилій Муханова, Аврамова, Иванова, Бобрищева-Пушкина 2-го и Шимкова государь написалъ: *«Отправить куда мной назначено»*.

Противъ фамилій Бѣляева, Одоевскаго, Фаленберга и Мозгана, поселенныхъ на заводскихъ селеніяхъ Иркутской и Енисейской губерній, положена резолюція: *«На заводскихъ селеніяхъ, какъ нынѣ, такъ и впредь не жить; отправить въ другія мѣста»*.

Противъ фамилии М. А. Фонвизина, назначеннаго на поселеніе въ Нерчинскъ, государь написалъ: *«Въ другое мѣсто далѣе на Сѣверѣ»*.

Изъ декабристовъ, которыхъ коснулась высочайшая резолюція, довольно свѣдѣній имѣемъ о братьяхъ Бѣляевыхъ, князѣ А. И. Одоевскомъ, П. А. Мухановѣ, П. И. Фаленбергѣ и М. А. Фонвизинѣ. Объ остальныхъ не лишнее сообщить проверенныя данныя.

Аврамовъ, Павелъ Васильевичъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка, «съ 1821 года удалился отъ тайнаго общества, въ собраніяхъ онаго не участвовалъ и сношенія съ членами прекратилъ». Хотя всѣ эти обстоятельства были констатированы слѣдствіемъ, тѣмъ не менѣе, послѣ смягченія приговора указомъ 22 августа 1826 года, былъ приговоренъ къ 8-лѣтней каторгѣ. Въ 1832 г. онъ былъ переведенъ въ Акинскую крѣпость, Енисейской губерніи и умеръ 5 ноября 1836 года.

Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й послѣ отбытія каторги былъ поселенъ въ Верхоленскѣ, Иркутской губ. и затѣмъ получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Красноярскъ, а отсюда въ 1839 году переведенъ въ Тобольскъ. Въ 1856 году ему вмѣстѣ съ помѣщавшимся въ ссылкѣ братомъ разрѣшено было выѣхать въ имѣніе сестры, Тульской губерніи. Умеръ онъ 13 февраля 1865 года.

Илья Ивановичъ Ивановъ, 10 класса провіантскій чиновникъ и членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, былъ осужденъ, послѣ смягченія приговора указомъ 22 августа 1826 года, на 8-лѣтнюю каторжную работу и въ 1832 году поселенъ въ с. Верхнеострожскомъ, Енисейской губерніи. Умеръ 26 декабря 1838 года. (О немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго «Минувшіе Годы», 1908, январь.)

Павелъ Дмитріевичъ Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка и членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, по отбытіи каторжныхъ работъ, въ 1832 году поселенъ въ с. Балыктинскомъ, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи. 12 октября 1838 г. по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ рядовымъ въ Тифлиссій Егерскій полкъ. 8 ноября 1843 года убитъ при взятіи горцами форта Гергебилскаго.

Иванъ Федоровичъ Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, послѣ отбытія каторжныхъ работъ, въ 1832 году былъ поселенъ въ Батуриной слободѣ, Верхнеудинскаго округа, Иркутской губерніи, а отсюда былъ перемѣщенъ на Китайскую границу въ крѣпость Цурухай-Чуевскую. Умеръ 23 августа 1836 года.

Князь А. И. Одоевскій въ 1833 году обратился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи получить ему отъ своихъ родственниковъ 300 рублей для раздачи содержавшимся вмѣстѣ съ нимъ въ Петровскомъ заводѣ и водвореннымъ на поселеніе государственнымъ преступникамъ, нуждавшимся въ помощи: Игельstromу, Шимкову, Фаленбергу и Мозгану. На докладѣ объ этой просьбѣ Николай Павловичъ 29 октября 1833 года написалъ: *«Отказать»*.

Въ 1835 году III отдѣленіе представило всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія.

«Капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, переведенъ былъ въ 1826 году изъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ Петровскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ. Въ 1829 году былъ помѣщенъ въ Тифлиссій пѣхотный полкъ и, за отличіе въ сраженіяхъ противъ турокъ, награжденъ орденами св.

Анны 3-й и св. Владимира 4-ой степени¹⁾. Въ 1830 году вновь переведенъ въ Петровскій полкъ, а въ 1831 году уволенъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы не вызжалъ за границу и чтобы за нимъ продолжалъ быть секретный надзоръ, который и снятъ въ 1833 году. Московскій военный генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи его при немъ чиновникомъ для особыхъ порученій съ переименованіемъ, соотвѣтственно его чину, капитана гвардіи, въ коллежскіе совѣтники.

Государь 17 апрѣля 1835 года положилъ слѣдующую резолюцію: *Это невозможно, долженъ начать дѣйствительную службу, а не по особымъ порученіямъ, и чиномъ, на который право имѣетъ»*

Въ 1835 году графъ Бенкендорфъ представлялъ на Высочайшее разрѣшеніе предположеніе выдавать поселеннымъ государственнымъ преступникамъ по 200 руб. въ годъ тѣмъ, кои отъ родственниковъ ничего не получаютъ, а тѣмъ кои получаютъ менѣе, добавлять изъ казны; не полагать въ счетъ вспоможеніе, получаемое отъ лицъ, въ Сибири рожденныхъ, освободить отъ платежа повинностей до новой ревизіи.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету Николай Павловичъ 15 декабря 1835 года написалъ: *«Согласенъ, но дѣтей изъ податного состоянія не выводить»*.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, хорошо извѣстный и нынѣ подъ псевдонимомъ А. Марлинскаго, былъ осужденъ на 20 л. каторжныхъ работъ. Указъ 22 августа 1826 года уменьшилъ срокъ каторги до 15 лѣтъ. Въ 1827 году Бестужевъ былъ обращенъ прямо на поселеніе въ Якутскъ. Въ 1829 году переведенъ на Кавказъ рядовымъ и только въ маѣ 1836 года дослужился до прапорщичьяго чина.

Генералъ-адъютантъ графъ М. С. Воронцовъ сообщилъ въ III-е отдѣленіе просьбу А. Бестужева, находившагося

¹⁾ Въ 1829 году Пушкинъ по пути на Кавказъ встрѣтилъ этого самаго графа Владимира Алексѣевича Пушкина въ Новочеркасскѣ. «Я сердечно ему обрадовался,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»,—и мы согласились путешествовать вмѣстѣ». Гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Эмилиі Карловнѣ Шернваль.

въ крѣпости Гаграхъ прапорщика 5-го Черноморскаго баталіона. Страдая отъ пагубнаго вліянія знойнаго климата въ Гаграхъ на его здоровье, разстроенное уже отъ несчастій и военныхъ трудовъ, онъ просилъ о переводѣ его въ другое мѣсто, на службу по гражданской части, чтобы быть полезнымъ отечеству и употребить досугъ на занятіе словесностью. Графъ Воронцовъ, передавая его просьбу, съ своей стороны полагалъ назначить Бестужеву жительство въ Керчь-Еникале съ употребленіемъ на службу при тамошнемъ градоначальникѣ; сношенія сего города съ Черноморіей и Закавказскимъ краемъ, думалъ гр. Воронцовъ, представляютъ Бестужеву возможность употребить съ пользою для службы приобрѣтенныя имъ о томъ краѣ свѣдѣнія. III-е отдѣленіе доложило сообщеніе и мнѣніе графа Воронцова. Императоръ Николай I положилъ 28 сентября 1836 года жестокую резолюцію: *«Мнѣніе гр. Воронцова совершенно неосновательно; не Бестужеву съ пользою заниматься словесностію; онъ долженъ служить тамъ, идѣ сие возможно безъ вреда для службы. Перевести его можно, но въ другой баталіонъ»*.

18 октября А. Бестужевъ былъ переведенъ изъ 5-го черноморскаго баталіона въ 10-ый. 7 іюня 1837 года онъ былъ убитъ при занятіи мыса Адлеръ.

Въ 1849 году оренбургскій военный губернаторъ представлялъ въ III-е отдѣленіе, что какъ по закону лица изъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ, состоящія въ гражданской службѣ въ Сибири, увольняются въ отставку съ обязательствомъ безвыѣздно жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ служили, и съ учрежденіемъ за ними надзора, а потому онъ, губернаторъ, полагалъ бы необходимымъ распространить дѣйствіе этого закона и на политическихъ преступниковъ, ссылаемыхъ на службу въ Оренбургскій край. На докладѣ мнѣнія оренбургскаго губернатора 3 сентября 1849 года Николай Павловичъ положилъ резолюцію. *«Да»*.

Приложеніе.

Изъ записокъ императора Николая I ¹⁾.

Надо было рѣшиться или остаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ по званію ихъ власть находилась: въ первомъ случаѣ, соблюдая форму, по совѣсти я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ изгажаться, можетъ быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названіе эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собой съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности Матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божию я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ: такъ, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Къ статьѣ, характеризующимъ отношеніе Николая I къ декабристамъ, мы находимъ умѣстнымъ приложить и отрывокъ изъ записокъ Николая I, впервые напечатанный нами въ „Быломъ“ 1907, октябрь, по списку, сдѣланному великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ и переданному мнѣ С. А. Панчулидзевымъ. Этотъ отрывокъ написанъ въ 1835 или 1836 году. Имъ пользовался бар. М. А. Корфъ для своей книги о событіяхъ 14 декабря и Н. К. Шильдеръ, положившій его въ основу изложенія въ книгѣ: „Имп. Николай I, жизнь и царствованіе“. П. Щ.

увѣрялъ Г. Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ.

Но въ то же время бунтовщики были уже въ сильномъ движеніи, и непонятно, что никто сего не видалъ. Оболенскій, бывшій тогда адъютантомъ у Бистрома, командовавшего всей пѣхотой гвардіи, одинъ изъ злѣйшихъ заговорщиковъ, ежедневно бывалъ во дворцѣ, гдѣ тогда обычай былъ збираться послѣ развода въ такъ называемой конно-гвардейской комнатѣ. Тамъ въ шумѣ зборища разныхъ чиновъ офицеровъ и другихъ, ежедневно пріѣзжавшихъ во дворецъ узнавать о здоровіи Матушки, но еще болѣе пріѣзжавшихъ за новостями,—съ жадностью Оболенскій подхватывалъ все, что могло быть полезнымъ къ успѣху заговора, и сообщалъ соумышленникамъ узнанное. Зборища ихъ бывали у Рылѣева. Дрянное лицо, извергъ въ семъ смыслѣ слова, Якубовскій ¹⁾, въ то же время успѣлъ хитростью своей и нѣкоторой наружностью смѣльчака втереться въ домъ Милорадовича, и уловивъ доброе сердце графа, снискалъ даже нѣкоторую его къ себѣ довѣренность. Что Оболенскій не успѣвалъ во дворцѣ, то Якубовскій извѣдывалъ отъ графа, у котораго, какъ говорили часто, *сердце было на языкѣ*. Мы были въ ожиданіи отвѣта Константина Павловича на присягу, и оный ожидали со страхомъ, другіе—и я смѣло себя ставлю въ число послѣднихъ—что онъ велитъ.

Въ сіе время прибылъ Михаилъ Павловичъ. Ему вручилъ К. П. свой отвѣтъ въ письмѣ къ Матушкѣ и нѣсколько словъ ко мнѣ. Первое движеніе всѣхъ—и справедливое нетерпѣніе сіе извиняло,—было броситься во дворецъ, всякій спрашивалъ, присягнулъ ли Михаилъ Павловичъ.—Нѣтъ,—отвѣчали пріѣхавшіе съ нимъ. Матушка заперлась съ Михаиломъ Павловичемъ, я ожидалъ въ другомъ покоѣ—и ожидалъ рѣшенія своей участи—минута неизгладимая! Наконецъ дверь отперлась и Матушка мнѣ сказала: «*Bien, Nicolas, prosternez vous devant votre frère, mais il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône*».

¹⁾ А. И. Якубовичъ, а не Якубовскій. П. Щ.

Признаюсь, мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюсь; но я себя спрашивалъ, кто большую приносить изъ насъ двухъ жертву?—Тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство Отцовское подъ предлогомъ своей неспособности, и который, разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ;—или тотъ, который, вовсе не готовившись на званіе, на которое по порядку природы вовсе не имѣлъ никакого права; которому воля братняя была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого!—Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10 лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ, гораздо тягче.—Я отвѣчалъ Матушкѣ, «*Avant de me prosterner, Maman, veuillez me permettre savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand de celui qui refuse, ou de celui qui accepte dans de pareilles circonstances.*

Нетерпѣніе всѣхъ возростало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствія у Матушки, что дѣло еще не рѣшилось. Дѣйствительно братъ Константинъ Павловичъ прислалъ отвѣтъ на письмо Матушки хотя и официально, но на присягу, ему данную, не было отвѣта, ни Манифеста, словомъ ничего, чтобы въ лицѣ народа могло служить актомъ удостовѣренія, что воля его непремѣнна и отреченіе, оставшееся при жизни императора Александра тайной для всѣхъ, есть и нынѣ непремѣнной его волей. Надо было рѣшить что дѣлать, какъ выйти изъ затрудненія опаснѣйшаго въ своихъ послѣдствіяхъ; и которымъ, какъ видимъ ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались. — Послѣ долгихъ преній я остался при томъ мнѣніи, что брату должно было объявить Манифестомъ, что, оставаясь непреклоннымъ въ рѣшимости, имъ уже освященной отреченіемъ, утвержденнымъ духовной императора Александра, онъ повторилъ оное и нынѣ не принималъ данной ему присяги. Симъ, казалось мнѣ, торжественно утверждалась воля его, и отымалась всякая возможность къ усумленію.—Но братъ

избралъ другой способъ; онъ прислалъ письмо официальное къ Матушкѣ, другое ко мнѣ, и наконецъ родъ выговора къ Лопухину, какъ председателю Государственного Совѣта.

Содержаніе двухъ первыхъ актовъ извѣстно: вкратцѣ содержали они удостовѣреніе въ непремѣнной его рѣшимости, и въ письмѣ къ Матушкѣ упоминалось, что рѣшеніе его въ свое время получило ея согласіе.

Въ письмѣ ко мнѣ, писанномъ какъ къ Императору, упоминалось только въ особенности о томъ, что Е. В. просилъ оставить его *при прежде занимаемомъ имъ мѣстѣ и званіи*. Однако удалось мнѣ убѣдить Матушку, что однихъ сихъ актовъ безъ явной опасности опубликовать нельзя, и что должно непремѣнно вторично убѣдить брата прибавить къ этому другой въ видѣ Манифеста съ изъятіемъ такимъ, которое было развязываемо отъ присяги ему данной.

Матушка и я мы убѣдительно о томъ писали брату; и фельдгеръ офицеръ Бѣлоусовъ отправленъ съ симъ.

Между тѣмъ, рѣшено было нами акты сіи хранить у насъ въ тайнѣ,—но какъ было уяснить намъ молчаніе передъ публикой! Нетерпѣніе и неудовольствіе были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство *не присяги* М. П. навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Константина Павловича. Заговорщики и рѣшили сіе же самое употребить орудіемъ для своихъ замысловъ, время сего ожиданія можно считать подходящимъ междуцарствію, ибо повелѣній отъ Императора, которому присяга принята была, по расчету времени должно было получить, но уже не приходило; дѣло останавливалось совершенно; все было недоумѣніемъ и къ довершенію всего извѣстно было, что М. П. отвѣчалъ уже тогда изъ Варшавы, когда и кончина импер. Александра и присяга К. П. тамъ уже извѣстны были. Каждый извлекалъ изъ сего, что какое то особно важное обстоятельство, приостанавливало къ вопросу законнаго леченія дѣлъ—но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнѣйшее присутствіе М. П. становилось тягостнымъ и для него и для насъ всѣхъ, и потому рѣшено было ему выѣхать будто въ Варшаву, подъ предлогомъ успокоенія брата К. П. насчетъ здоровія Матушки; и остановиться на станціи въ Неннахъ для удаленія отъ без-

престаннаго принужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ для останова-
вленія на дорогѣ всѣхъ тѣхъ, кои, возвращаясь изъ Варшавы,
могли извѣстить въ Петербургѣ настоящее положеніе дѣлъ.
Сія же предосторожность приказывала останавливать всѣ
письма, приходившія изъ Варшавы; и эстафетъ, ежедневно
приходившій съ бумагами изъ канцеляріи К. П., приносимъ
былъ ко мнѣ. Бумаги, не терпящія отлагательства, долженъ
былъ я лично взять къ себѣ; тѣхъ, къ коимъ адресовались,
просилъ ихъ вскрывать въ моемъ присутствіи.

Такъ прошло 8 или 9 дней. Въ одно утро часовъ въ 6
былъ я разбуженъ внезапнымъ прїездомъ изъ Таганрога
Л. Г. Измайловскаго полка полк. Б. Фредерикса, съ паке-
томъ «самонужнейшимъ отъ Г. Дибича нач. Гл. Штаба и
адресованнымъ въ собственныя руки императору! Спросивъ
Б. Фредерикса, знаетъ ли онъ содержаніе пакета, получилъ
въ отвѣтъ, что ничего ему неизвѣстно, но что такой же
пакетъ посланъ въ Варшаву по неизвѣстности въ Таган-
рогѣ, гдѣ находится Государь. Заключивъ изъ сего, что
пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности, я былъ
въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться? Вскрыть
пакетъ на имя Императора, былъ поступокъ столь отважный,
что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью,
къ которой одна необходимость могла принудить человѣка,
поставленнаго въ самое затруднительное положеніе, и—
пакетъ вскрытъ!—Пусть изобразятъ себѣ, что должно было
произойти тогда во мнѣ, когда, бросивъ глаза на включенное
письмо отъ Г. Дибича, увидѣлъ, что дѣло шло о существую-
щемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, кото-
раго отрасли распространились черезъ всю Имперію отъ Пе-
тербурга на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда
только почувствовалъ въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей
участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился
положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты,
съ полной властію, съ опытностью, съ рѣшимостью—я не
имѣлъ ни власти, ни права; на случай могъ только дѣйстви-
вать черезъ другого, изъ одного довѣрія ко мнѣ обращаю-
щагося, безъ увѣренности, что совѣту моему послѣдуютъ;
и притомъ чувствовать, что тайну подобной вѣрности должно
было наипачтательнѣе скрывать отъ всѣхъ, даже отъ
Матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заго-

ворщикамъ не открыть, что замыслы ихъ уже не скрыты
отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться *одному*,
совершенно одному безъ совѣта.

Г. Милорадовичъ казался мнѣ по долгу его званія пер-
вымъ, до свѣдѣній котораго содержаніе сихъ извѣстій
довести должно было; К. Голицынъ, какъ начальникъ поч-
товой части и довѣренное лицо Импер. Александра, казался
мнѣ вторымъ. Я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ и втроемъ
принялись мы за чтеніе приложеній къ письму. Писанные
рукою Г. А. Чернышева, для большей тайны, въ нихъ
заключалось изложеніе открытаго обширнаго заговора,
черезъ два разные источника: показаніями юнкера Шервуда,
служившаго въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, и откры-
тіемъ капитана Майбороды, служившаго въ тогдашнемъ
3 пѣх. корпусѣ. Извѣстно было, что заговоръ касается
многихъ лицъ въ Петербургѣ и наиболѣе въ Кавалергард-
скомъ полку, но въ особенности въ Москвѣ и въ Главн.
Квартирѣ 2 арміи и въ части войскъ, ей принадлежащихъ,
а также и въ войскахъ 3 корпуса. Показанія были весьма
неясны, неопредѣлительны; но однако еще за нѣсколько
дней до кончины своей покойный Импер. велѣлъ Г. Дибичу
по показаніямъ Шервуда послать полк. Л. Г. Каз. полка
Николаева взять извѣстнаго Вадковскаго, за годъ выписан-
наго изъ Кавалергардскаго полка. Еще болѣе неясны были
подозрѣнія на Глав. квартиру 2 Арміи и Г. Дибичъ увѣ-
домлялъ, что вслѣдъ за симъ рѣшился послать Г. Черны-
шева въ Тульчинъ, дабы увѣдомить Витгенштейна о проис-
ходившемъ и арестовать Князя С. Волконскаго, командо-
вавшаго бригадой, и П. Пестеля, въ этой бригадѣ командо-
вавшаго Вятскимъ полкомъ. Подобное извѣстіе въ столь
затруднительное и важное время требовало величайшаго
вниманія, и должно было узнать, кто изъ поименованныхъ
лицъ въ Петербургѣ, и немедленно ихъ арестовать; а какъ о
К. Майбородѣ ничего не упоминалось, а должно было
полагать, что черезъ него получатся еще важнѣйшія свѣ-
дѣнія, то рѣшился Г. Милорадовичъ послать адъют. своего
Г. Мантейфеля къ Г. Роту, дабы принявъ Майбороду, до-
ставить въ Петербургъ. Изъ Петербург. заговорщиковъ
по справкѣ никого не оказалось на лицѣ; всѣ были въ
отпуску, а именно: Свистуновъ, гр. Захаръ Чернышевъ и

Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для сѣзда, какъ въ этой запискѣ упоминалось. Г. Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ общалъ обратить вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безысности.

Наконецъ наступилъ роковой для меня день. По обыкновенію обѣдали мы вдвоемъ съ женой, какъ прѣхалъ Блосовъ. Вскрывъ письмо брата, удостовѣрился я съ первыхъ строкъ, что участь моя рѣшена, но что единому Богу извѣстно, какъ воля Конст. Павл. исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя императоромъ, отвергая присягу, ему данную, какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованія такого императора Александра и акта отреченія своего отъ Престола. Я предчувствовалъ, что, повинувшись волѣ братней, иду на гибель, но нельзя было иного и долгу повелѣвалъ сообразить единственно, какъ исполнить ее съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ.

Я пошелъ къ Матушкѣ и нашелъ ее въ томъ же убѣжденіи, но довольномъ, что наступилъ конецъ нервѣнности. Изготовивъ въ скорости проектъ Манифеста, призвалъ къ себѣ М. М. Сперанскаго и ему поручилъ написать таковой, придерживаясь моихъ мыслей; положено было притомъ опубликовать духовную Имп. Александра, письмо къ нему Конст. Павл. съ отреченіемъ и два его же письма къ Матушкѣ и ко мнѣ, какъ къ Императору.

[Между строкъ рукописи въ этомъ мѣстѣ вписано: «привести о Ростовцевѣ»].

Въ сихъ занятіяхъ прошелъ вечеръ 12 декабря. Послано было къ М. П., дабы его воротить, и надежда оставалась, что онъ поспѣетъ вѣроятно на другой день, т. е. въ воскресенье 13 числа. Между тѣмъ вѣсть о прѣхавшемъ фельдъегерѣ распространилась по городу, и всякій убѣдился въ томъ, что подозрѣнія обратились въ истину. Гвардіей командовалъ Г. Войновъ, человекъ почтенный и храбрый,

но ограниченныхъ способностей и не успѣвшій приобрести никакого вѣсу въ своемъ корпусѣ. Призвавъ его къ себѣ, поставилъ его въ извѣстность воли Конст. Пав. и условился, что на другой же день, т. е. въ понедѣльникъ соберетъ ко мнѣ всѣхъ Генераловъ и полковниковъ команд. Гвардіи, дабы лично мнѣ имъ объяснить весь ходъ происходившаго въ нашей семьѣ и поручить имъ растолковать сіе яснымъ образомъ своимъ подчиненнымъ, дабы не было предлога къ безпорядку. Требованъ былъ также ко мнѣ митрополитъ Серафимъ для нужнаго предваренія и наконецъ К. Лопухинъ, съ которымъ условлено было собрать совѣтъ къ 8 часамъ вечера, куда я намѣренъ былъ явиться вмѣстѣ съ братомъ М. П., какъ личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ братней воли. Но Богу угодно было повелѣть иначе.

Мы ждали М. П. до 1/2 11 ночи, и его не было. Между тѣмъ весь городъ зналъ, что Государственный Совѣтъ собранъ, и всякій подозрѣвалъ, что настала рѣшительная минута, гдѣ томительная неизвѣстность должна кончиться. Нечего было дѣлать и я долженъ былъ слѣдовать одинъ. Тогда Государственный Совѣтъ собрался въ большомъ покоѣ, который нынѣ служить гостинной младшимъ моимъ дочерямъ.—Пройдя къ столу я сѣлъ на первое мѣсто, сказавъ, я выполняю волю брата Константина Павловича и вслѣдъ за тѣмъ началъ читать манифестъ о моемъ восшествіи на престолъ, всѣ встали и я такъ же; всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи и по окончаніи чтенія глубоко мнѣ поклонились, при чемъ отличился Н. С. Мордвиновъ противъ меня бывшій, всѣхъ первый вскочившій и ниже прочихъ отвѣсившій поклонъ, такъ что оно мнѣ страннымъ показалось. За симъ долженъ былъ я прочесть отношеніе К. П. къ К. Лопухину, въ которомъ онъ самымъ сильнымъ образомъ выговаривалъ ему, что ослушался будто воли покойнаго Императора Александра, отославъ къ нему духовную и актъ отреченія, и принесъ ему присягу, тогда какъ на сіе права никто не имѣлъ.

Кончивъ чтеніе, возвратился я въ занимаемая мной комнаты, гдѣ ожидали меня Матушка и жена; былъ 1 часъ и понедѣльникъ, что многіе считали дурнымъ началомъ; мы проводили Матушку на ея половину и хотя не было

еще объявлено о моемъ вступленіи, но комнатные люди Матушки съ ея разрѣшенія насъ поздравляли!

Во внутреннемъ караулѣ стоялъ въ то время К. Одоевскій, самый сильный заговорщикъ, но никто сего не зналъ; послѣ только вспомнили, что онъ безпрепятственно распрашивалъ придворныхъ служителей о происходящемъ. — Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совѣсть была чиста, и мы отъ глубины души предались Богу.

Наконецъ наступило 14 декабря, роковой день. Я всталъ рано и одѣвшись принялъ г. Воинова; потомъ вышелъ въ залу нынѣшнихъ покоевъ Александра Николаевича, гдѣ собраны были всѣ Генералы и Полковные командиры Гвардіи; объяснивъ имъ словесно, какимъ образомъ по непремѣнной волѣ Константина Павловича, которому не задолго вмѣстѣ съ ними я присягалъ, нахожусь нынѣ вынужденнымъ покориться его волѣ и принять Престолъ, къ которому за его отреченіемъ нахожусь ближайшимъ въ родѣ; за симъ прочиталъ имъ духовную покойнаго императора Александра; за симъ получилъ отъ каждого увѣреніе въ преданности и готовности жертвовать собой, приказалъ ѣхать по своимъ командамъ и привести къ присягѣ. Отъ двора повѣщено было всѣмъ имѣющимъ право на приѣздъ собраться во Дворецъ къ 11 часамъ.

Въ то же время Синодъ и Сенатъ собирались въ своемъ мѣстѣ для присяги. Вскорѣ за симъ прибылъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ съ новыми увѣреніями совершеннаго спокойства. За симъ былъ я у Матушки, гдѣ его снова видѣлъ, и воротился къ себѣ; приѣхалъ Г. Орловъ, командовавшій Конной Гвардіей, съ извѣщеніемъ, что полкъ принималъ присягу; поговоривъ съ нимъ довольно долго, я его отпустилъ. — Вскорѣ за нимъ явился ко мнѣ Командов. Гвард. Арт. Г. М. Сухожанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ гв. Кон. Арт. офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги желая сперва слышать удостовѣреніе сего отъ М. П., котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многие изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что г. Сухожанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать.

Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ М. П., котораго я просилъ сейчасъ отправиться въ артилл. для приведенія заблудшихъ въ порядокъ: — спустя нѣсколько минутъ послѣ сего явился ко мнѣ Н. М. Нейгардъ, начальникъ штаба гвар. корпуса, и войдя ко мнѣ совершенно въ разстройство сказалъ: «Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection, Chenchin et Frederiks (тогдашній бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire, ordonnez de grâce au régiment de Préobragensky et à la garde à cheval de marcher contre».

Меня вѣсть сія поразила какъ громомъ; ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасается, но зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ I бат. Преображ. выходить, я позволилъ Кон. Гвард. сѣдлать, но не выѣзжать; и къ нимъ отправилъ Г. Нейгарта, пославъ въ то же время Г. М. Стрекалова, дежурнаго при мнѣ въ Преображ. бат. для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать, — и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшивъ самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала.

Но должно было отъ всѣхъ скрыть *настоящее* положеніе наше и въ особенности отъ Матушки, — и зайдя къ женѣ, сказалъ il y a du bruit au rég. de Moscou, je veux y aller. Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира кавалергард. полка Гр. Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго напомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему вѣренныя, вышли изъ повиновенія. За мной шелъ ген. ад. Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота Л. Гв. Финлянд. полка подъ командой кап. Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было и что по точной волѣ сіе брата К. П., получилъ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: ребята, Московскіе

шальять, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами—велѣлъ зарядить ружья; и самъ командовалъ: «дивиз. впередъ, скорымъ шагомъ маршъ» повелъ отрядъ лѣвымъ плечемъ впередъ къ Главн. воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ и на лицо было только осталъная часть людей.

Сѣздъ ко дворцу уже начинался и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и одни изъ нихъ вошли и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился я къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ и сказалъ: «cela va mal, ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler» ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ.

Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ необыкновеннымъ: эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли Мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать, у кого то въ толпѣ нашлся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддерживалъ.

[«О Хвощинскомъ прибавить»—написано между строкъ].

Наконецъ Стрекаловъ повѣстилъ меня, что Преображенск. 1 б. готовъ; приказавъ коменданту Г. Л. Башуцкому остаться при гауптвахтѣ, и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ бат., сбившемуся—спиной къ коменданту. подъѣзду, а полк. команд. полковникъ Исленьевъ былъ при бат.—Бат. мнѣ отдалъ честь; я прошелъ по фронту и, спросивъ, готовы ли идти за мной, куда велю, получилъ отвѣтъ громкое молодецкое рады стараться!—минуты единственныя въ моей жизни; никакая кисть не изобразить стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 б. въ свѣтъ, въ столь критическую минуту. Командовалъ по тогдашнему къ атакѣ въ колонну первый и осьмой взводъ въ полъ-оборота на лѣво и на право повелъ я бат. лѣвымъ плечемъ впередъ.

мимо заборовъ тогда построившагося дома М. Ф. и Иностр. Дѣлъ къ углу Адмиралт. бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ бат. остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома Главн. Штаба полк. К. Трубецкого, ниже увидимъ, какую онъ тамъ игралъ роль. Зарядивъ ружья, пошелъ мы впередъ; тогда со мной были Г. А. Кутузовъ, Ф. А. Дурново, Стрекаловъ и адъютант. мой Перовскій и Адлербергъ; Адъют. моего Кавелина послалъ я идти въ Аничкинъ домъ перевести дѣтей въ Зимній Дворецъ. Перовскаго послалъ я въ Кон. Гвард. съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь.—Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ Ф. А. князь Голицынъ Генеральнаго штаба съ извѣстіемъ, что Г. Милорадовичъ смертельно раненъ.—Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги бат. и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Кон. Гвард., я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ ескадраго рейткнехта изъ Кон. Гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобъ полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы—ура Константинъ на площади противъ Сената и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не подпускала.

Въ сіе время замѣтилъ я въ лѣво противъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, у котораго чернымъ обвязана голова, огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовскій; но не зная, съ какой цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. Но сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: «я былъ съ ними, но услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ». Я взялъ его за руку и сказалъ «спасибо, вы вашъ долгъ знаете».

Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ почти весь участвуетъ въ бунтѣ и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее намѣреніе его было подъ сей личиною узнавать, что среди насъ дѣлалось, и дѣйствовать по удобности. Въ это время Г. А. Орловъ привелъ Кон. Гвард., обогнувъ Исакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между

онимъ и зданіемъ военн. Мин., что тогда было домою К. Лобанова; полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ (что ежели возможно мятежникамъ сообщеніе), что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время ее мнѣ доказать, на дѣлѣ. Г. Орловъ велѣлъ съ полкомъ идти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобы пересѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами, отъ стороны собора, простиравшимся до угла нынѣшняго Синодскаго зданія; уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для Собора и оставалось между ими матеріалами и монументомъ Петра Великаго, не болѣе, какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ достигая почти заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ спиной къ старому Сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по Г. Воиновъ, но не успѣли ранить, тогда какъ онъ подѣхалъ, хотѣлъ уговаривать людей. Ф. А. Бибиковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба, былъ ими схваченъ и жестоко избитый отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту Е. В. Преображенскаго полка, П. Исленьева и младшимъ полковникомъ Титовымъ подъ командой капитана Игнатьева черезъ бульваръ занять Исаакіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ К. Гвардіи. Самъ же съ прибывшимъ ко мнѣ Г. А. Бенкендорфомъ выѣхалъ на площадь, чтобы рассмотреть положеніе мятежниковъ; меня встрѣтили выстрѣлами. Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь, и воротясь на оную напелъ уже остальную малую часть Московскаго полка съ большею частью офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ М. П.

Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ

доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу у забора противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2 б. Преображенскаго полка стояли уже на площади, сей бат. послалъ я вмѣстѣ съ первымъ рядами направо примкнуть къ Кон. Гвардіи. Кавалергардцы оставлены были мной въ резервѣ у дома Лобанова. Семёновскому полку велѣно было идти прямо вокругъ Исаакіевскаго Собора къ манежу Кон. Гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны М. П. — Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула составлявшіе малый б. посланы были по Почтовой улицѣ и въ Галерную улицу. Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ беспорядокъ и нерѣшительность къ присягѣ. Сколь мнѣ сіе ни больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ, и потому велѣлъ Г. А. Левашеву, ко мнѣ явившемуся, ѣхать въ полкъ, и буде есть какая либо возможность двинуть его хотя бы противъ меня, непременно его вывести изъ казармъ. Между тѣмъ видя, что дѣло становится весьма важнымъ, и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ Шталмейстеру К. Долгорукому приготовить загород. экипажи для Матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ кавалергардовъ въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь, дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ бат., Гвар. и Учебн. Не доѣхавъ еще до дома Глав. Штаба, увидѣлъ въ совершенномъ беспорядкѣ со знаменами безъ офицеровъ Л. Г. полкъ идущій толпой. Подѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое *стой* отвѣчали мнѣ, *мы за Константина*; я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ, *когда такъ*, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одиноко заблужденнымъ товарищамъ.

Къ счастью, что сіе такъ было, ибо иначе бы началось кровопролитіе подъ окнами дворца и участь бы наша была болѣе, чѣмъ сомнительна, — но подобныя разсужденія дѣлаются *послѣ*; тогда же одинъ Богъ меня наставилъ на сію

мысль. Милосердіе Божіе оказалось еще разительнѣе при семъ же случаѣ, когда толпа Л.-Гренадеръ, предводимая офицеромъ Пановымъ, шла съ намѣреніемъ овладѣть дворцомъ, и въ случаѣ сопротивленія истребить все наше семейство. Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ почелъ ихъ за присланный мной отрядъ для занятія дворца. Но вдругъ Пановъ, шедшій во главѣ, замѣтилъ Л.-Г. Саперн. бат., только что успѣвшій прибѣжать и выстроиться въ колонны на дворѣ; и закричалъ *да это не наши* началъ ворочать входящихъ отдѣленіями кругомъ, и бросился бѣжать съ ними обратно на площадь. Ежели бы Саперн. бат. опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все наше семейство были бы въ рукахъ мятежниковъ, тогда какъ занятый происходившимъ на Сенатской площади и вовсе безпривычный отъ занятой съ тылу иной важнѣйшей опасности я былъ лишенъ всякой возможности къ сему воспрепятствовать. Изъ сего видно самымъ разительнымъ образомъ, что ни я, никто не могли бы сего дѣла благополучно кончить, ежели бы самому милосердію Божію не угодно было всемъ править къ лучшему.

Здѣсь долженъ я упомянуть о славномъ подвигѣ Л. Г. Гренадерскаго полка кн. Мещерскаго; онъ командовалъ тогда ротой Е. В. и когда полкъ, завлеченный въ бунтъ ловкостью Панова и другихъ злоумышленниковъ, отказалъ въ повиновеніи своему полк. Стюрлеръ изъ опасенія нарушить присягу своему законному государю, К. П. Мещерскій догналъ свою роту на дорогѣ и убѣжденіемъ своимъ и довѣріемъ которое вселялъ въ людей, успѣлъ остановить большую часть своей роты и нѣсколько другихъ и привелъ ихъ ко мнѣ. Я поставилъ его съ Саперн. на почетное мѣсто, къ защитѣ дворца. Воротившись къ войскамъ, послалъ къ прибывш. артил., но къ несчастію безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усиливался; къ печальной массѣ московскаго полка прибѣлъ гвардейскій экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной; а толпа гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлается безпрепятственнымъ и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться и многіе перебѣжали къ

мятежникамъ, передъ которыми видны были люди не военные. Однимъ словомъ ясно становилось, что сомнѣніе въ присягѣ было истинной причиною бунта, что существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. Ура конституціи раздавалось и принималось чернью за ура произносимое въ честь супруги К. П.

Воротился ген. ад. Левашовъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ прибылъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста; я поспѣшилъ къ нему,—полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе,—и сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что впрочемъ ежели среди ихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня идти, что я имъ не препятствую—присоединяться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ; я при себѣ приказалъ всемъ зарядить ружья и послалъ ихъ съ Г. М. Мартыновымъ, командиромъ бригады, на площадь, велѣлъ поставить въ резервѣ спиной къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже ставшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полк. Шипова прибылъ къ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ, бат. за бат.

М. П. былъ уже тутъ. Съ этого мѣста было еще больше видно, что съ Гвардейскимъ экипажемъ, стоявшимъ на прав. флангѣ мятежниковъ, было много офицеровъ экипажа сего и другихъ; видны были и другіе во фронтѣ расхаживающіе между солдатъ и уговаривавшіе стоять твердо.

Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибѣлъ требуемый мной Митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ; почтенный пастырь съ однимъ поддіакономъ, вышелъ изъ церкви и, положивъ крестъ на голову, пошелъ прямо къ толпѣ; онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрѣлять, ежели не удалится. М. П. предложилъ мнѣ подѣлать къ толпѣ въ надеждѣ присутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными К. П., ибо привязанность М. П. къ брату была всемъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣнческой руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но желая испытать все

способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата, придавъ ему Г. Ад. Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники *иже мышали*.

Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса ему не дали совершить. Братъ воротился къ своему мѣсту, а я объѣхалъ вокругъ Собора, прибылъ снова къ войскамъ съ той стороны бывшимъ; и нашелъ прибывшимъ Л. Г. Егерскій полкъ, который оставилъ на площади противъ Гороховой, за пѣшей артилл. бригадой. Погода изъ довольно свѣжей становилась холодной, снѣгу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже 3 ч. пополудни. Шумъ и крикъ дѣлался настойчивѣе; и частые ружейные выстрѣлы многихъ въ Кон. Гвардіи перелетали черезъ войска; большая часть солдатъ на сторонѣ мятежниковъ стрѣляли вверхъ. Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окруживъ толпу принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ, пули просвистѣли мнѣ черезъ голову и, къ счастью, никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исакиевского собора изъ за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни; и тогда окруженные ею войска стали бѣ въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился испробовать атаковать кавалерію; Кон. Гв. первая атаковала по эскадронно, но ничего не могла произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоніи имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротм. В. лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномерно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха. Тогда Г. А. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: *Sire, il n'y a pas un moment à perdre, on n'y peut rien maintenant, il faut de la mitraille.* Я предчувствовалъ сію необходимость, но признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру; и меня ужасъ объялъ: *Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne* отвѣчалъ я Васильчикову: *pour sauver Votre Empire*, сказалъ онъ мнѣ. Эти

слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ, и спасти почти навѣрно все; или *пощадивъ* себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно оружіе I легк. пѣш. бат. къ М. П. съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и поставилъ ихъ передъ Преображенскимъ полкомъ, велѣвъ зарядить картечью; оружіями командовалъ Ш. К. Бакунинъ. Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устроятся такихъ пріуготовленій; крикъ продолжался еще упрямѣе. Наконецъ послалъ я Г. М. Сухозанета объявить имъ, что ежели сейчасъ не положатъ оружіе, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ.

Тогда, не видя иного способа, командовалъ я! Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ Сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка ударили въ самую середину толпы и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Англійской набережной, на Неву, по Галерной и даже на встрѣчу выстрѣламъ изъ орудія при Семеновскому, дабы достигъ берега Крюкова канала. Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ Г. Кон эскадронъ и часть Кон. Гвард. преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Невѣ, но два выстрѣла картечью ихъ разсѣяли и осталось собирать спрятанныхъ и разбѣжавшихся, что возложено было на Г. А. Бенкендорфа съ 4 эскадронами конной гвардіи и конно-піонернымъ эскадрономъ подъ ком. Г. А. Орлова на Васильевскомъ острову и 2 эскадронами К. Гвардіи на сей сторонѣ Невы. Вслѣдъ за симъ вручилъ я команду сей части города Г. А. Васильчикову, назначивъ ему оставаться у Сената и отдавъ ему въ команду Семеновскій полкъ, 2 бат. Измайловскаго, сводн. бат. Москов. и Павлов. полковъ; 2 эскадрона кон. гвардіи и 4 орудія кон. артилл. Васильевскій островъ поручилъ въ команду Г. А. Бенкендорфу, оставя у него 6 эскадроновъ и придавъ Л. Г. Фин. полка 1 б. и 4 оруд. к. а. Самъ отправился ко дворцу;

у Гороховой въ видѣ авангарда оставилъ на Адмиралт. площад. 2. б. Л. Г. Егерскаго полка и за нимъ 4 эскадронъ Кавалергардскаго полка. Остальной баталіонъ Л. Г. Егерскаго полка держалъ пикеты у Малой Милліон., у Большой Милліонной, у казармъ 1. б. Преображенскаго полка и на Большой набережной у театра. Къ симъ постаѣмъ придано было по 2 пѣшихъ оружія. Батарея въ 8 орудіяхъ поставлены были у Эрмитажнаго съѣзда на Неву, а другая въ 4 ор. противъ угла Зимняго Дворца на Неву. 1 б. Измайл. стоялъ на набережной у Параднаго подѣзда, 2 эскадрона кавалергардовъ лѣвѣе противъ угла дворца. Преображенскій полкъ и при немъ 4 орудія рода Его Величества стоялъ на Дворцовой площади спиной ко Дворцу у главныхъ воротъ; въ резервѣ; и на дворѣ оставались оба саперныхъ баталіона и рота 1 гренад. Л. Г. Гренадерскаго полка...

Оглавленіе.

I. Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ.	Стр. 2
II. Императоръ Николай I и М. М. Сперанскій—въ Верховномъ судѣ надъ декабристами	16
III. Императоръ Николай I и осужденные декабристы	36
Приложеніе. Изъ записокъ императора Николая I	44

Первая статья была напечатана въ журналѣ «Былое» (1906, V), вторая—въ газетѣ «День» (1917, январь), третья—въ журналѣ «Голосъ Минувшаго» (1913, XI), приложеніе—въ журналѣ «Былое» (1907, X).